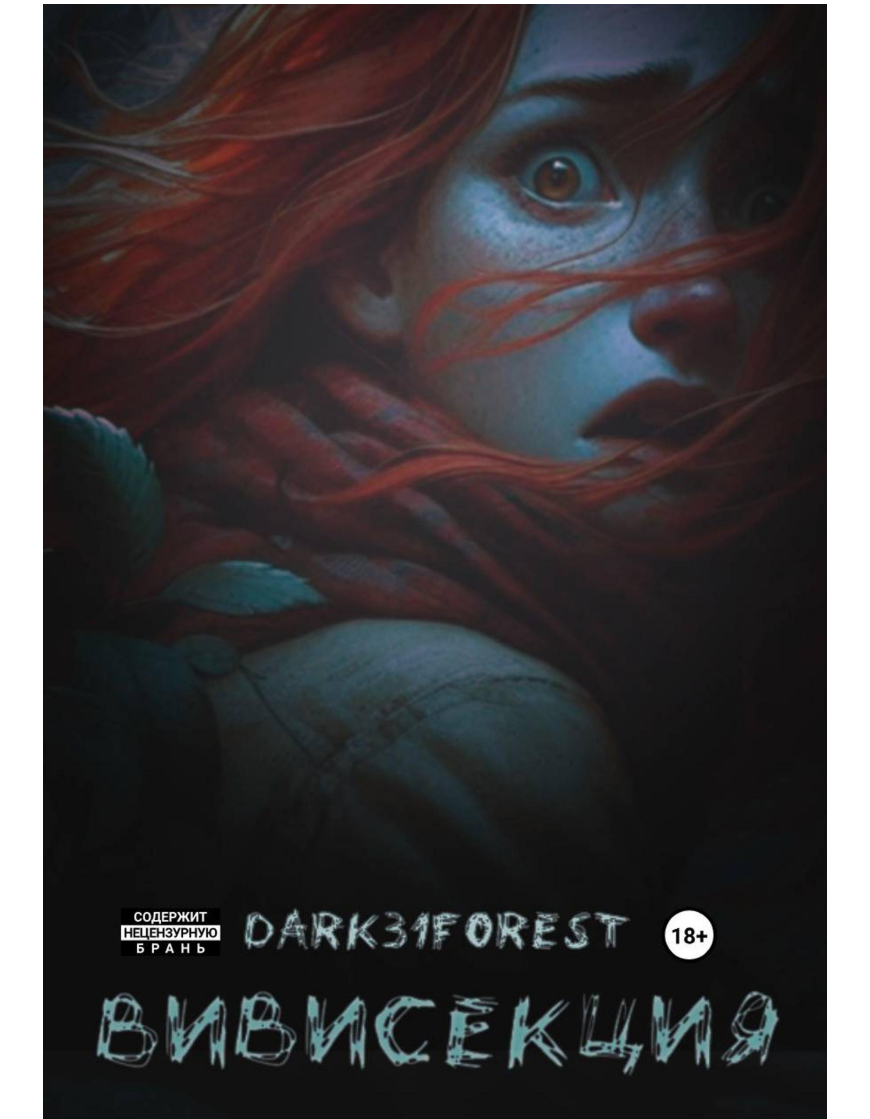




СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

DARK31FOREST

18+

ВИБИСЕКЦИЯ

Dark 31Forest

Вивисекция

<https://litres.ru/74435663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пэйдж тяжело переживает пропажу младшей сестры. Пытаясь помочь родителям выплатить долги, она переходит дорогу бывшему ухажеру Алеку. Теперь его цель — сделать ее жизнь адом. И хотя он настроен решительно, угрозу не воспринимают всерьез. Последствия его мести коснутся друзей и знакомых Пэйдж, у которых есть свои собственные обиды и тайны. Ненависть запустит цепочку насилия и прервать ее будет нелегко.

Содержание

Часть 1. Клыки аллигатора	4
Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	70
Глава 4	108
Гл	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Dark 31Forest

Вивисекция

Часть 1. Клыки аллигатора

Ловит волк, да ловят и волка

Глава 1

*Школа города Клиффрок, спортивный зал, пятница,
10:17*

Алек торчал возле женской раздевалки уже пятнадцать минут, а рыжая гадина до сих пор не показывалась.

Кидая беглый взгляд вдоль коридора, он чувствовал, как ныл желудок. Звонок уже дали. Гул голосов утих. Поблизости не было ни души, никто бы не заметил, если бы он зашел проверить, там ли она. Он тенью скользнул к двери и крепко схватился за ручку. Дернул осторожно. Без лишних скрипов, как и планировал.

Влажный воздух внутри застоялся. Дышать стало еще труднее. Алек почти ничего не соображал, но помнил, зачем пришел. Мысль прорезалась в мозгу снова и снова, будто его кололи булавкой. Он пробежал глазами одинаковые ряды синих шкафчиков. Чтобы сориентироваться, понадобилось чуть больше времени.

Конечно, она не выходила отсюда. Он увидел ее длинные рыжие локоны на контрасте с цветом стен. Она стояла к нему спиной и не уловила ни звука из-за шума душевой кабинки, гудевшей где-то в глубине помещения.

Несколько секунд Алек пялился, думая, как поступить:

могла ли она убежать отсюда в одном белье? Да. Только без вещей рано или поздно ей пришлось бы вернуться. Сейчас или никогда! Нужно действовать быстро.

Он приблизился в один прыжок. Рука грубо намотала на кулак пушистые волосы, чтобы дернуть со всей силы. Пэйдж не закричала. Сделала лишь судорожный вдох и выгнула шею в попытке посмотреть, кто стоял сзади. Капли воды стекали по выступающим ключицам на ее круглую грудь в красном бюстгальтере.

Пэйдж оказалась в его власти. Адреналин швырнул недостающей смелости ему в кровь. Он мог бы сделать с ней что угодно...

Например, треснуть башкой об дверцу и разmozжить череп. От предвкушения ослабли колени.

— Если ты не в курсе, это женская раздевалка, Кадманн.
— Она попыталась схватить его локоть, но он выкрутил тонкую дрожащую руку ей за спину и до хруста сдавил запястье.
— Пусти!.. Отпусти!

Резкая боль в ноге привела его в чувство. Тварь! Врезала по ступне пяткой. Он произвольно разжал тиски, и Пэйдж простонала от облегчения.

— Ах, ты, кусок говна! Нападаешь со спины?!

Она развернулась в надежде дать отпор, не ожидая, что его реакция будет быстрее. Он рывком отшвырнул ее от себя, и она с грохотом впечаталась лопатками в металлическую поверхность шкафчика. В лице уже не было ни кровинки.

— Я сейчас заору и тебя из школы выкинут, Алек. — Карие глаза напротив горели огнем и жгли не хуже, а он забыл, что готовился сказать. Пэйдж засмеялась, но смех звучал надломленно. — Этого добиваешься? Думаешь, мать ждет тебя за решеткой?

Он встряхнул ее. Пламень волос заплясал в воздухе.

— Не надейся. Тебе тут теперь жизни не будет, сука. И Гилмору тоже.

Жгло горло. Еще немного и из недр желудка злоба изрынулась бы фонтаном яда. Он думал, скрутит ее прямо здесь и плевать, что она там городит!

— Мартину угрожаешь? Ты? Ха-ха! Удачи!

Пэйдж улыбнулась приторно, до ямочек на разгоряченных щеках. Раньше Алек часто видел эту улыбку — хитрую и такую острую, что рассекла бы кожу, пройдишь она по горлу.

«Обидку кинула. Все равно бы бросил тебя. Не тогда, так потом. Или сама бы меня отфутболила. Хотела уже? Опередел, поэтому бесишься?»

— Я вас предупреждала — платите и ничего не случится, но что мне сказали?

— Пошла нахер — вот что!

— Ну, так вот, Кадманн, пошел ты нахер! — Она взбрыкнула, пытаясь освободиться. Ногти вонзились ему под кожу, оставляя красные отметины. — Еще раз подойдешь, и я уже в полиции, понял?!

— Попробуй. Успеешь добежать?

Пэйдж высвободила ладонь, чтобы к нему прикоснуться.
— Хочешь проверить? Не нервничай так. А то весь трясешься. Не солидно выглядит.

Она скалилась, но во взгляде, упавшем ему за спину, мелькнула тревога. Алек тут же почувствовал, как к шее прислонилось что-то острое и холодное.

— Лучше убери руки, — посоветовали ему сзади едва различимо.

Он не узнал голос. Девчонка, но кто? Малявка, лезвие держала кверху.

— Убрал руки! — приказала она. Должно быть та, новенькая, поэтому и не узнал. Алеку захотелось развернуться и пнуть ее. Она бы даже пискнуть не успела, об отпоре и говорить нечего.

Он повиновался, не без удовольствия отмечая оставшиеся на руках Пэйдж следы. Позже они превратятся в синяки. Его утешало даже это.

Ее подружка оружие не опустила. Теперь уже Пэйдж, ощутив преимущество, гавкнула на него командным тоном:

— Иди отсюда, пока я не позвала кого-нибудь!

Алек не торопился, с интересом разглядывая ее с открывшихся ему ракурсов, а она отвернулась резко, хлестнув кудрями ему по лицу.

У ее защитницы дрогнула рука, и канцелярский нож скользнул по его коже. Алек цыкнул, дотронулся до царапины, растер подушечками пальцев красную каплю. Порез был

неприятный, тонкий. Девчонка продолжала стоять, тыча в него импровизированным копьём.

— Не смейся, — поморщился он, наклоняясь. — Я эту штучку сломаю в два счета. Прямо как твою шею. Скажете кому, что я тут был, и я тоже стукну, че ты тут с ножом вытворяешь, клопиха!

Она опустила глаза в пол. Тяжелый запах страха дурманом вился рядом. Сделав шаг навстречу, Алек клацнул зубами прямо возле ее крошечного ушка.

Пэйдж вмешалась снова:

— Проваливай, Кадманн, сколько повторять! Или я закричу так, что сюда сбежится все крыло! Сам послушаешь, что я про тебя расскажу!

Он пошел к выходу, перешагнув на пути скамейку.

— Маккинли! — позвал он уже у дверей. Пэйдж слегка повернула голову. — Сиськи — пушка! Даже лучше, чем на фотках.

Раздевалка, 10:30

Пэйдж наконец смогла спокойно вздохнуть, когда он вышел. Она натянула блузку и попыталась застегнуть пуговицы дрожавшими пальцами. Чертов Кадманн! Пока она одевалась, Ви присела сзади.

— Можешь принести мне воды? Из-за этого козла в горле пересохло.

Не задавая лишних вопросов, Ви исчезла в проеме двери так же тихо, как появилась, а Пэйдж скорее кинулась к сумке, уже чувствуя, что дышать размеренно почти не получалось. Перерыв все вещи, Пэйдж вдруг поняла, что забыла ингалятор. По ней как будто пустили разряд тока, вошедший через голову и оставшийся где-то в районе сердца, которое, пропустив пару ударов, тут же зашлось галопом. Она закашляла больше от паники, чем от необходимости. Надо было уходить как можно скорее.

Плохо соображая, что делала, она наспех затолкала учебники обратно в рюкзак и вылетела из раздевалки. Сбежать без свидетелей не вышло — Ви все-таки нагнала ее в коридоре. В надежде на целительную силу воды, стакан был осушен залпом. На лбу выступила испарина.

— Что-то мне поплохело, — сказала Пэйдж, ускоряя шаг и боясь лишний раз обернуться. — Я пойду домой, пока не поздно.

К счастью, Ви ничего не знала о ее болезни, но, если быстро не стряхнуть хвост, могла бы и догадаться. Судя по напряженному преследованию, отставать она не собиралась, а Пэйдж уже мечтала испариться, лишь бы никто не видел, как ее корчило от кашля. Хорошо хоть коридоры молчали, сосредоточенно сохраняя в себе тишину. Впрочем, молчала и Ви. Пэйдж только теперь обратила на нее должное внимание — та позеленела даже сильнее, чем она сама.

— Ты-то чего такая бледная? Алека испугалась? — усмех-

нулась она, едва ли до конца понимая, что говорила. — Не пересекайся с ним. Ничего супер стремного он не сделает, побоится, но нагадить сможет, если захочет. Он теперь бешеный.

Она поперхнулась словами и закашляла до хрипов. Пришлось выдохнуть, перебарывая новый удушающий позыв. Маленькая ладонь Ви легла ей на плечо.

— Нормально все! Я напишу, как буду дома. До завтра.

Как она умудрилась забыть ингалятор? Он же всегда был в нижнем кармашке в рюкзаке...

Она побежала к выходу, молясь, чтобы силы не закончились раньше времени. Нельзя, чтобы ее увидели здесь в таком состоянии, нужно было добраться до дома. Вся ее жизнь последние несколько месяцев напоминала сериал, за которым не следил только ленивый. Приступ в школе сделал бы еще хуже.

Рядом с окошком администратора стоял высокий парень в костюме и, загоразивая собой обзор, на удивление успешно заговаривал зубы мисс Энсон. Пэйдж проскочила мимо практически незамеченной.

По закону подлости велик утром она не взяла, оставила в гараже. С другой стороны, помог бы он теперь, когда она и шла-то с большим трудом? Дорога к дому отняла бы не дольше десяти минут, но от ужаса уже немели ноги.

Оказавшись вдали от школьных стен, Пэйдж зашлась таким нервным, страшным кашлем до дрожи в конечностях,

что перестала обманывать себя: сама она никуда не дойдет, помощь пришлась бы кстати. Причем — немедленно. На груди будто затянули корсет и с каждой секундой крепче стягивали шнуровку. Зря она не пошла в медпункт, слишком в себя поверила. Администрация была в курсе ее болезни, возможно, у медсестры нашелся бы для нее запасной ингалятор. Она никогда им не пользовалась, всегда брала свой, но мама, скорее всего, оставляла его на крайний случай.

Вокруг никого не было. Пэйдж присела на бордюр и стащила со спины рюкзак. Белье под блузкой сдавливало ребра. Она расстегнула застежку, но это не помогло. Свежий воздух не помог тоже. Из легких вырывалось сипение, перемешанное с хрипом. Она наклонилась вперед, выпрямила спину и уперлась ладонями в колени. Сейчас посидит немного и встанет, точно встанет. Мутный взгляд в исступлении блуждал по парковке за ограждением. Нужно было возвращаться. Приступов в отсутствии лекарства, тем более таких, взрывных, с ней не случалось с детства, она к ним не подготовилась.

Если она задохнется здесь из-за Алека, чтоб он сам сдох, родители окончательно сожрут друг друга. Что еще хуже — она так и не узнает, что случилось с Карен, и кто в этом виноват. Этого нельзя... нельзя было допустить! Она была нужна сестре, была нужна Карен!

«Успокойся! Только хуже делаешь! Дыши и все».

Это же так легко, она могла и без лекарства, просто со-

средоточиться, взять себя в руки, не впадать в истерику, она могла, она помнила.

— Эй! — раздался рядом чей-то голос. В слепом ужасе она хваталась за траву, уже ничего не видя и никого не узнавая. — Эй! Тебе плохо?

Пэйдж хотела сказать про астму, но вместо слов изо рта вырывалось бессвязное сипение, мало походившее на речь. Воздух застревал прямо в глотке.

Подошедший мужчина взял Пэйдж на руки, а она корчилась и старалась замереть, не разбирая, что ей говорили. Ее вырубало. Будто кто-то зажимал пробел, оставляя в мозгу пустоту. Вспышка. Мелькнул школьный потолок. Хрип пробирал до самого дна легких. Несколько голосов слились в один. Кушетка в медицинском кабинете неприятно скрипнула под ее весом. Пэйдж увидела испуганные лица медсестры и мисс Энсон. Было больно в груди, тяжело. Ногти царапнули по блузке. Кто-то сунул ей в рот ингалятор, а она не могла из него вдохнуть. Как они не понимали, что она не могла вдохнуть?!

Лампочка слепила, выжигая зрачки, и прежде, чем темнота затянула Пэйдж в воронку, она выхватила чей-то напряженный взгляд — светло-голубые глаза под широкими белыми бровями.

Стало тихо. Карен... Карен сидела здесь, с ней, и Пэйдж на ощупь искала ее руку.

Чувства смазались, и боль отступала. С ней исчезло и ви-

дение.

— Пэйдж, все в порядке, — донесся до нее женский голос.
— Дыши медленно. Все хорошо.

Туман забытья растворялся. Когда Пэйдж вдыхала, откуда-то шел едва различимый шипящий звук, и она попыталась за него зацепиться. Первая связная мысль завопила: «я не умерла!», но ощущения в теле утверждали обратное. Стоило сосредоточиться на дыхании, словно в мире ничего больше не существовало. Еще минутку... У нее получалось. Иногда она забывала, какое это счастье.

Что-то было у нее на лице. Пэйдж открыла глаза. Вместо Карен рядом сидела девушка в медицинской форме и держала баллон, от которого тянулись трубки, подававшие кислород и лекарство в маску для дыхания. У кушетки собралась целая группа поддержки: директриса, медсестра, фельдшер и незнакомый парень в костюме. Это он тогда стоял у окошка администратора.

— У меня у самой сейчас сердце выпрыгнет, — сказала директриса. — Мэри, успокоительное есть? Дай что-нибудь.

Пэйдж попыталась сжать кулак, но не смогла.

— Успокоительное не возьмет уже, — улыбнулся незнакомец. — Надо виски.

— Герр Фойербах! — приструнила его директриса и обратилась к фельдшеру, писавшему что-то в своей планшете: — Что вы нам скажете?

— Забираем ее в больницу. Родителям сообщили? Пусть

едут сразу туда.

В больницу! Ее забирают в больницу! Пэйдж напряженно заерзала, сдвигая колени. Она попыталась приподняться, чтобы не валяться вареной макарониной, и одернула юбку.

— Я... могу сама...

— Нет, не можешь. — Девушка, сидевшая рядом, мягко уложила ее обратно.

Пэйдж перенесли на каталку и повезли к машине. Незнакомца, который теперь ее сопровождал, она точно видела впервые. Высокий и худой прямо как манекенщик, он казался болезненно бледным и уставшим. И почему директриса разрешила ему идти с ней? Кто он был такой? Те глаза принадлежали ему — тускло-голубые, с едва уловимым намеком на цвет. Взгляд теперь стал другой. Хитрый. Он мерцал из-под бровей как искрящийся импульс на оголенном проводе, когда парень поглядывал на нее сверху вниз.

«Это он нашел меня на лужайке, он помог».

— Спасибо, — сказала она, пока он еще не отошел, и это было последнее, на что хватило сил.

В больнице Пэйдж чувствовала себя немногим лучше. Ее словно вывернуло наизнанку, а потом крутануло обратно. Еще хуже было наблюдать за измученной мамой, переживавшей за нее в ущерб своим нервам. В школе Пэйдж казалось, что она не хотела, чтобы мама приезжала, волновалась лишний раз, но от одного ее присутствия стало гораздо легче.

Судя по тому, что Мартин обрывал телефон, а знакомые

интересовались здоровьем Пэйдж в сообщениях, многие в школе уже были в курсе случившегося. Только немного улеглось и опять.

Домой она попала лишь к обеду следующего дня и, выйдя из такси, боковым зрением сразу уловила движение — розовый кустарник, усаженный на углу здания, едва различимо встрепенулся. Ее позвала мама, но Пэйдж отмахнулась.

— Иди, я еще чуть-чуть подышу.

Стоило остаться одной, куст заохал и выругался детским голосом. На мгновение выглянула лохматая голова, но тут же пропала, думая, что ее не заметили.

— Выходи давай, шпион.

Из колючего укрытия с опаской высунулся мальчишка.

— Что ты там делаешь, Заяц?

— Что, что? — возмущенно ответил он, раздвигая исцарапанными руками ветки, усыпанные иглами. — Всю жопу уже исколол, пока сидел тут в засаде! Галка видела вчера, как хмырь какой-то высоченный тебя утащил. Потом узнали, что плохо тебе было. Звонили, а ты не отвечала.

— Ясно все с вами. Иди сюда, чего ты там трешься?

Мальчишка вылез, нисколько не пожалев растения. Он со злостью пнул листья, отряхнул школьную форму, почесал разодранный локоть. Пэйдж наблюдала, сдерживая смех. Заяц потрусил в ее сторону, держа руки в карманах. Стоило ему приблизиться, как его щека тут же попала в захват между пальцев Пэйдж:

— Следопыт, значит!

— Ай, пусти! — Он вывернулся ловко. На коже от щипка остался бордовый след. — Я тут для разведки стою, а Жук меня ждет с докладом. Волновались за тебя, а ты!.. Уф! — Его взгляд впился ей в лицо. — Как покойница выглядишь.

— Себя-то видел? Грязнуля.

— Упал я. Бежал быстро. Только ты Жуку не говори. Да вообще никому не надо.

— А ты передай ему, что я запрещаю за мной следить.

Заяц насупился, обиженно выпятив нижнюю губу, и Пэйдж поспешила сгладить прорезавшееся в разговоре напряжение. Ее рука прошла по волосам мальчишки, взъерошив их еще сильнее.

— Идем в дом, хоть умоешься.

— Не, Лиса, не пойду, — оттаял он. — Там ребята ждут, тоже переживают. Надо к ним идти.

Он заправил в штаны выбившуюся рубашку, плюнул на ладонь, чтобы быстро растереть на лбу запекшуюся грязь. Пэйдж сморщилась.

— Ты лучше сама приходи к нам потом. У нас для тебя подарочек есть. Придешь?

Она кивнула.

— Круто! Ты все-таки это...береги себя. У нас уши и глаза везде есть, только вон... — Он запнулся, и его молчание вошло под кожу отравленной спицей. Пэйдж уже знала, чем закончится фраза. — ...Белке это ни фи́га не помогло. Пой-

ду. Приходи тогда. Ждать тебя будем.

Он побежал по лужайке и вскоре затерялся между зданиями, а Пэйдж вошла в прихожую и тут же услышала, как родители переругивались где-то в глубине дома. Она просто зависла. Не двигаясь, ждала, когда они замолчат, но, снова слушая одни и те же обвинения, понимала, что с таким успехом могла бы простоять здесь до вечера. Нужно было собрать мужество в кулак.

— Отстань от нее! Дай ей отдохнуть.

— Сам отстань! — Судя по интонациям, мама уже завелась. — От тебя помощи никакой!

Пэйдж прямиком бросилась на второй этаж. Уже наверху заметила, что дверь в комнату Карен была приоткрыта.

— Я делаю все возможное, Молли, — устало ответил папа.

— Например, что?!

Она попыталась отключиться, сделать вид, что ничего не происходило. Как сомнамбула подошла и машинально погладила на деревянной поверхности шершавые наклейки, усыпанные блестками.

Когда Пэйдж провернет ручку и заглянет внутрь, Карен поднимет голову от ноутбука и укоряюще, совсем как мама, помотает головой, показывая на невидимые часы на запястье, или, не заметив ее присутствия, продолжит поливать ущербный кактус, прячущий под горшком прожженный черный след на подоконнике. Пэйдж помнила, какую знатную

затрепшину отвесила младшей, когда застала ее тут за курением. Малявка тогда швырнула ей в лицо пачку сигарет, которую стащила у нее из-под матраса. Они не разговаривали целую неделю.

Если бы Пэйдж сказали тогда, что ей не захочется возвращаться домой после школы, она бы не поверила. Карен... Что с ней могло случиться? Раньше она бы и сама приплатила кому-нибудь, лишь бы хоть на денек забрали эту маленькую прилипалу, а теперь ей словно вырвали сердце и не дали взамен другого. Рана в груди кровоточила от каждого прикосновения и все, чем Пэйдж пыталась заткнуть дыру, вываливалось наружу, не оказывая никакого эффекта.

В комнату она не вошла. Не хотела видеть, что там было пусто.

— Ну и проваливай! — снова донесся рыдающий голос матери.

Пэйдж съежилась и присела на корточки, чтобы посмотреть вниз между балясинами перил. Папа молча надевал куртку, не реагируя на крики. Зачем она его прогоняла? Он и так уже почти здесь не бывал, все на работе. Спуститься, попросить его остаться? Успокоить маму? Уйти в спальню? Опять что-то мешало дышать.

Пэйдж не уловила, по какому поводу родители ругались на этот раз. Впрочем, повод был один, просто замаскированный разными предложениями. Мама срывалась на рыдания с любого толчка, а папа наоборот — никому своего горя не пока-

зывал, только похудел и постарел резко, лет на десять. Пэйдж не могла придумать, как и чем им помочь. Втроем они бродили по дому, боясь столкнуться.

— Хватит! — Папа был суров. — Хватит, говорю! Пэйдж услышит. Ей нужен покой.

Родители погрязли в жалости к себе и, не зная, куда девать злость, стали проецировать ее друг на друга — вот, что Пэйдж поняла точно. Поиски Карен затихли, расследование встало на паузу, отложенные деньги закончились. Большая часть из них пошла на бестолкового частного детектива, шарлатана-экстрасенса и телефонного мошенника, обещавшего вернуть Карен невредимой, если ему заплатят. Папа так хотел, чтобы это было правдой, что поверил слишком скоро, не сообщив об этом полиции. Теперь мама грызла его в отместку. Она бросила работу, потому что ее психическое состояние оставляло желать лучшего, глотала таблетки, а отец надрывался без выходных, чтобы оплатить счета и прокормить семью. Они влезли в долги.

Бах! Пэйдж вздрогнула всем телом, различая как по паркету застучали крупные осколки, и приникла к полу, чтобы лучше разглядеть происходящее в прихожей. Папа стряхнул с ботинок хрустальную крошку от разбитой вазы. Закрывшаяся за ним дверь тяжело вернулась на место.

Слезы жгли глаза. Мама сползла на стул в прихожей и рыдала, стараясь затолкать в себя всхлипы, а Пэйдж хотелось залепить ей пощечину, встряхнуть, привести в чувство... и

обнять, попросить успокоиться, сказать, что Карен скоро найдется, побежать за папой.

Она спустилась:

— Мама... не плачь, — и, сев на корточки, прижалась к ней. — Ну, мам...

Дом семьи Тайлер, суббота, 09:03

Дом с белой лакированной дверью уже маячил на горизонте.

«Это последний раз!»

Пальцы мерзли в кармане куртки. Сентябрь вступил в свои права две недели назад, а погода уже испоганилась. В соседнем дворе он только что поскользнулся и рухнул, со всей дури ударившись копчиком. Теперь ушибленное место ныло аж до поясницы, напоминая о позоре с каждым новым движением, и все бы ничего, если бы его жизнь последние месяцы не походила на сегодняшнее утро, — гадкое и унижительно-болезненное.

Он преодолел две крохотные ступеньки у порога и сразу заметил между аляпистых занавесок в мелкий цветочек лицо ее мамы. Если так пойдет и дальше, старая ведьма выпьет из него все соки. Стоп. Он же решил, что этот визит будет последним. Не хватало еще бегать за ней. Смутное осознание реального положения вещей действовало на нервы: ведь он уже бегал, и уже перестарался.

В щели приоткрытой двери появилась миссис Тайлер. Ее темные, густо накрашенные брови, сдвинутые к переносице, почти скрывали глаза.

— Я понимаю, Фойербах, тебе наглости не занимать, но четвертый раз за неделю — это уже чересчур.

Он выдавил улыбку, пусть скулы и сводило от злобы. Приходилось держаться, чтобы она тут же не скрылась в доме.

— Может, вы дадите наконец поговорить с Мел? — В голос просочилась ирония: — Тогда я перестану обременять вас своей компанией.

— Нет, если не понимаешь, в следующий раз я вызову полицию. Надо было еще тогда на тебя заявить, когда Мелли прибежала с синяком на пол спины.

У него запылали уши.

— Я ее не трогал, — огрызнулся он на автомате. — Не знаю, что она наговорила, только я этого не делал. Она упала.

— Упала, как же!

Улыбаясь еще приторнее, он сделал новый шаг, надвигаясь на хозяйку, а она, видно, опасаясь его, машинально отпрянула. Этого было достаточно. Он вцепился рукой в блестящий деревянный край двери, а потом оттолкнул ее, освобождая себе проход. Миссис Тайлер охнула, глупо хлопая ресницами.

Он метнулся в комнату Мел вверх по лестнице.

— Беги, беги, ненормальный! Все равно ее там нет.

«Alte Schlampe! — в ярости подумал он, смотря на нее с

высоты второго этажа. — И как она умудрилась родить такую очаровательную дочь?»

В комнате Мел и правда никого не было. В ванной тоже. Желто-блевотные обои заплясали перед глазами.

— Ну, что, нашел? — ехидно подтрунивала снизу миссис Тайлер. — Поищи еще, я же никуда не спешу.

— Где она?

— От тебя подальше.

Спустившись под вызывающим взглядом несостоявшейся тещи, он всем своим естеством ощущал ее ликование.

— Я найду ее все равно.

Миссис Тайлер приснула, снимая с вешалки шляпку, и нацепила ее на крашенные светлые волосы.

— Ищи, голубок, ради бога, только не здесь. Иди по-хорошему. Не порти мне с утра настроение. — Она накинула на плечи драповое пальто, взяла зонтик и сумочку и добавила прежде, чем Вил успел вставить еще хоть слово: — Слушай, что я скажу, Вильгельм. Знаю-знаю, ты о себе высоко-го мнения, потому что в тебе вроде как течет какая-то там голубая кровь. Так вот — ничего она не значит, твоя голубая кровь, если ты ведешь себя как свинья. К тому же, ты из своей Германии сбежал, поджав хвост. Видно, мать тебя тоже на дух не переносит, раз уж она родного сына без денег отослала к черту на рога. Это о многом говорит. Я тебя молю, ради всего святого, оставь Мелани в покое. Ты найдешь другую, а ей дай пожить спокойно. Она и так намучилась с

тобой за два года.

Он поджал губы. На ум приходили только ругательства.

— Я на ней женюсь! — рывкнул Вил. — Понятно?

— Через мой труп!

— Ничего, я подожду.

Тетка обомлела, но тут же опомнилась и заверещала с трехкратным усердием:

— Мелли ты не получишь! Никаких браков! С тобой — никогда! Ни за что на свете. Ищи другую, найди себе под стать и издевайся над ней! Хотя кто тебя вынесет, я не знаю! Любая от тебя сбежит! Л-ю-б-а-я!

Он поклонился и направился к выходу:

— Ни на ком другом я жениться не собираюсь.

Смех миссис Тайлер летел по ветру как проклятие.

— Иди, Фойербах, умоляю! Завтра ты про женитьбу и не вспомнишь.

Дом семьи Маккинли, понедельник, 08:14

— Вон она! — Алек возбужденно подпрыгнул на сидении.

Клиффрок просыпался рано и еще раньше сегодня проснулся Алек. Он вышел из дома до того, как в окнах начали вспыхивать первые огни. Лежать в постели он больше не мог, приятное возбуждение погнало его по заспанным улицам, подталкивая в спину.

Мэтт затаился в последний раз и выкинул окурок через

окно. Они уже полчаса торчали у дороги, ведущей к дому Пэйдж. Ждали. Мэтт опять притащил с собой братца, который сидел позади, отрешенно играя в телефон. Интересы к делу не проявлял. Странно. Вроде же дружил с младшей Маккинли, с этой пропавшей малявкой. Пусть сидит, хорошо. Только все равно... шевелилось какое-то предчувствие.

Они дождались, пока Пэйдж выкатит из гаража велосипед. Не замечая ничего подозрительного, она вскочила на него и неторопливо поехала по подъездной дорожке, а Алек в предвкушении забавы обкусал все ногти.

— Заводи, как прямо перед нами вырулит, — сказал он Мэтту. Тот послушно кивнул.

Пэйдж повернула вправо. Алек неотрывно следил за ее спиной в школьном пиджаке. Ветер, залетавший в щелку, с щекоткой пробрался за воротник рубашки.

— Давай-давай!

Они осторожно двинулись с места. Сначала держались на расстоянии и вели себя тихо, чтобы она не взбрыкнула и не вернулась обратно в дом. Алек облокотился на приборную панель, вглядываясь. Видел ее ноги, легко крутившие педали, и развевавшийся край форменной юбки. Водитель прибавил ходу.

Пэйдж не обратила на них внимания. Утро буднего дня, все разъезжались по делам, вот и она, похоже, принимала их за очередную соседскую машину. Алек потянулся и нажал на гудок. В салоне повис оглушающий гул, проткнувший пе-

репонки. Пэйдж оглянулась. Увидела и поняла сразу все, он догадался по глазам. Капля неподдельного ужаса, капля отчаяния. Алек ждал этого взгляда, но ему нужно было больше. Выжать ее досуха, до последнего вздоха, чтобы сил не осталось. Сердце подпрыгнуло, как отскочивший от стены мячик. Машина была всего в футе от цели.

— Дави эту суку! — заорал он Мэтту.

Пэйдж рванула руль в сторону и выскочила на тротуар. Приподнявшись с сиденья, она помчалась между домами, минуя заборы, и молотила ногами так быстро, как только позволяла физическая сноровка. Воздух, несущийся навстречу, раскидывал длинные пряди в стороны и трепал клетчатую юбку, то и дело оголявшую розовые ягодицы в атласе белого белья. Алек почти наполовину высунулся в окно и заорал, чтобы она точно слышала:

— Сочная задница, Пэйдж! Давай! Старайся лучше! Развлеки нас! — Он нырнул обратно в салон, боясь, как бы она не оторвалась от них слишком скоро. — Быстрее! Гони до поворота!

— Куда она денется? — отмахнулся Мэтт. — Загнанная кобылка уже.

Мельком Алек глянул в зеркало заднего вида и заметил, как пацан на него вылупился. Рожа у него была красная и злющая не меньше, чем у брата. В свои тринадцать он уже вымахал здоровый как конь. Весь в их породу. Алек ухмыльнулся ему в отражении.

Автомобиль свернул за поворот. Пэйдж с ее слабой дышалкой и правда подустала и уже не так легко перебирала тугие педали велосипеда. Пушистый шарик, прикрепленный к застежке, беспорядочно дергался на ненавистном малиновом рюкзаке. Они настолько приблизились, что Алек видел дрожь в ее ослабевших коленях. Сдулась, все! Еще бы на мелкую тварь посмотреть. То-то она бы запела! С ножом — все храбрые, а без ножа?

Машина сделала пару ленивых рывков и сравнялась с велосипедом. По телу побежали мурашки. У Алека чуть ли не стоял. Он дождался, когда его удостоят вниманием и, сложив пальцы в форме пистолета, прицелился, будто Пэйдж была у него на мушке.

— Че не смеешься? Не смешно теперь?

— Иди нах-хрен! — с придыханием выплюнула Пэйдж.

Алек засмеялся:

— Сама говна пожр...

Он подпрыгнул на сидении, протаранив крышу макушкой. Рэндж Ровер со свистом повело в сторону. От удара зазвенело в ушах. Еще не успев толком понять, что произошло, Алек слышал, как Мэтт орал матом, а...

— Сучонок!

...мальчишка сделал ему захват рукой вокруг шеи, от которого Мэтт, как бы ни хрипел, не мог освободиться. Автомобиль вихлял по дороге, пока Алек пытался отцепить младшего Драммонда от старшего. Пацан, впившись в него на-

смерть, мешал вести машину.

— Тормози! — заорал Алек. — Тормози, а то врежемся!

Мэтт упрямо предпринял попытку скинуть паразита прочь, но тот, совсем озверев, начал выдавливать брату глаза.

Из-за гадины?!

Они съехали на обочину, перевалились через кусты, а потом, наконец, водитель нажал на тормоз. Алек злобно зыркнул в сторону рыжей шлюшки. Стояла! Мразь! Наверное, ликовала!

Мэтт резким движением отшвырнул мальчишку назад. Алек хотел выпрыгнуть на дорогу за Пэйдж, но тут же забыл об этом, когда увидел, как друг просунулся в проем между передними сидениями, схватил брата за рубашку и подтянул к себе, пока тот пытался отодрать его клешни от ткани. Мэтт сжал ему голову так, что костяшки побелели на пальцах.

— Кевин, вылезай! — закричала Пэйдж. Алек быстро смекнул — вот, чего она не сиганула прочь! Боялась за мальчишку! — Жук!

Алек видел, как он скрежетал зубами, и от этого зрелища ему становилось не по себе.

— Да гони ты! — заорал Кевин в ответ. — Сваливай, Пэйдж!

Поздно спохватившись, Алек дернул дверную ручку, но Пэйдж тут же сорвалась с места. Ушла! Бежать за ней на своих двоих было бы просто тупо, а он уже достаточно играл

клоуна. Ну и ладно, все равно эта идиотка испугалась, он возьмет ее измором.

Через распахнутую дверь проникал отрезвляющий воздух. В голове продолжало гудеть так, словно голова была колоколом и по нему стукнули дубинкой. Алек спустил ноги на газон и стал смотреть на кроссовки, чтобы отстраниться от схватки в салоне. Зеленый цвет травы уже угасал. От звука глухого удара кулаком по черепушке у Алека внутри все съежилось. Пацан стойко держался. Он даже не пикнул.

— Хватит, поехали. — Алеку показалось, что он различил лица, скрывавшиеся в занавесках ближайших домов. — Твою мать, да поехали! Еще выйдет кто-нибудь.

Но Мэтт его как будто не слышал.

Глава 2

Школа, 11:15

Пэйдж вбежала в здание в шоковом оцепенении. Она запуталась в педалях и слетела с велика, разбив в кровь обе колени, когда звенящая пустота в голове взорвалась паническим хлопком.

Мозг защищал до последнего, просто отказываясь думать. Начал сразу, на дорожке, она даже не сообразила закричать. Да и хорошо, еще прошлая новость в школе не стихла. Из гудящей бездны Пэйдж сумела выудить лишь одно: Кадманн — мерзавец. Мартин был прав. Разве она сама этого не знала? Теперь Жук подставился вместо нее, и это останется клеймом на ее совести.

Ноги не слушались. Огромным усилием воли Пэйдж заставила себя пойти к туалету, но как пришла к нему, не помнила. Очнулась уже возле раковины прямо напротив зеркала. Оттуда на нее уставилось незнакомое лицо: ненормальные глаза — черные, а не карие — смотрели, но не видели. Она быстро раскрутила кран, умылась, переделала хвост и пригладила торчащие волоски. В туалете был еще кто-то, поэтому она смяла эмоции в кулак как исписанную бумажку, выкинула их, забыла про утро. Это было не с ней. С кем-то

другим.

Промыв кровоточащие ссадины, Пэйдж натянула гольфы до упора. Часы отсчитали одиннадцать. На уроки не хватало сил. Она прокралась к общей комнате для старшеклассников и осторожно приоткрыла дверь — Алека внутри не было. Когда она вошла, ее тут же обступили знакомые. Интересовались здоровьем. И хотя это требовало очень много терпения, Пэйдж отвечала радушно. Кто-то сделал ей чай. Чашка жгла содранную ладонь.

Потом началась перемена, и ученики заспешили в разные стороны. Оказавшись между кабинетами, Пэйдж поняла, что ей тоже нужно было спешить куда-то, прибиться к кому-то. Надо было затесаться в толпе и отдать ей свои чувства, чтобы она прожевала их, а ее саму выплюнула наружу.

— Привет.

Сзади стоял Мартин. Пэйдж сразу подобралась.

— Что? — Он с настороженностью заглянул ей в глаза.

— Что? — Пэйдж попробовала имитировать его тон. От волнения она начала замечать детали, которых раньше не видела — блузка торчала комом. Пришлось незаметно заправить ткань за пояс и напрячься, так сильно напрячься, чтобы выглядеть нормально!

— Что это за выражение лица? И где ты была?

— Проспала. Потом живот разболелся, никак не отпускает. Мистер Касслер на переключке спрашивал что-то?

— Да не особо. Решил, ты еще болеешь. Идем в столов-

ку? Пока я кого-нибудь не сожрал. — Его спокойствие и уверенность заражали, так что даже удалось перевести дух. По крайней мере, пока он рядом, новая встреча с Кадманном ее бы не испугала. — Я уж подумал, Кадманн снова что-то вытворил. Его сегодня клинит опять, буйнит. — Ах ты, черт! — По ходу, магнитные бури. Дождется, и я ему врежу. И еще весь пирсинг повыдергиваю с мясом.

— Не вздумай! У него тогда вообще крыша поедет.

— Ну, а ты как, в целом? Ничего?

Это была их первая встреча после показательного отбытия Пэйдж из школы на машине скорой помощи. Потом Мартин напрашивался в гости, но ему запретили приходить под предлогом плохого самочувствия мамы.

— Супер, забей. Что новенького?

— Забить? Тебя из школы на скоряке увезли.

— Да-да, на каталке, в маске, еле живую, почти без сознания.

Она даже не знала, хорошо ли, что речь больше не заходила о Кадманне.

— Давно ингалятор не помогает? Тебе нужно бросить курить.

— Знаю, что еще интересного скажешь? Не играй в папочку с утра пораньше, прошу.

Они быстро шли, минуя кучки раздражающе разговорчивых школьников, но сейчас было даже хорошо, что остаться наедине не получалось. Впрочем, Мартин умудрялся пилить

ее даже тут.

У двери в столовую Пэйдж замерла на секунду. Они установили зрительный контакт через отражение. Пальцы с облупленным разноцветным лаком воображаемо погладили его темные волосы и тонкую спинку носа.

— Боже! — притворно изумилась Пэйдж. — Меня преследует какой-то герой-любовник. Такой зеленоглазый, аж голова кружится!

Мартин устало закатил глаза, но она все-таки успела схватить с его губ стеснительную полуулыбку. В груди разлилось тепло.

— Идем уже, актриса. — Он первым зашел в проход и повысил голос, чтобы слова пробились через всеобщий гомон: — Тебе из-за Кадманна плохо стало? Что ему в раздевалке понадобилось?

Пэйдж задержала дыхание. Удивление дошло до нее с опозданием, она не успела сложить два и два. Мартин же сказал: «Кадманн *опять* что-то сотворил», значит, он уже знал про то, что было. Ябеда! Успела рассказать.

— Смотрю, вы с Ви много общаетесь, — поддела она.

В этом году кафе для старшеклассников закрылось на ремонт, и теперь в столовой приходилось проталкиваться сквозь толпу. Сегодня они пришли позднее, чем обычно, поэтому все места уже оккупировали, а нормальную еду расхватали. В воздухе смешались ароматы тушеных овощей, мяса и свежих круассанов, но Пэйдж они не прельщали. В

поисках Ви она осматривала одинаковые столики со сверкающими синими столешницами. Она должна была быть где-то здесь. Их традиции встречаться в обеденный перерыв Ви пока что следовала неукоснительно.

— Она вроде ничего.

— Ого! — Что значило это «ничего»? Жаль, Пэйдж не видела его лица, ей очень надо было его увидеть. — Уже и не помню, кто в последний раз получал от тебя такую высокую оценку.

— Только очень скромная.

«А вот канцелярский нож Алеку к горлу приставить она не постеснялась».

— Хотел подвезти ее вчера, а она отказалась. — Мартин оглянулся, пока Пэйдж с тяжелым сердцем смотрела ему в спину. — Ревнуешь?

В театральный вздох вложилось все притворное изумление мира.

— Тебя? Никогда! Ви — немножко. Мне кажется, она по девочкам. Вдруг у меня есть шанс? — Кислая мина Мартина подняла ей настроение совсем чуть-чуть. — Молчу, успокойся. Ты старый зануда! Просто странно слышать подобное от тебя. Я поражена. Ты же хикка, а тут какую-то девчонку, считай, два дня как познакомились, хотел на байке катать. Скоро начнешь тусоваться, совсем с катушек слетишь. Я за тебя волнуюсь.

Он кивнул в сторону окна.

— Вон она. Так что ему было надо?

— Что ты прилепился? — Пришлось прибавить шаг, чтобы избежать ответа, но Мартин неотрывно шел по пятам. — Будто ты его не знаешь! Злится, вот и все.

— И чего, он пришел тебя в известность поставить? Перед этим фактом?

Пэйдж издала нечто нечленораздельное. Они двинулись к Ви, огибая на ходу занятые стулья. Стоило потрудиться, чтобы заметить ее в дальнем углу. Спрятавшись за журналом, она явно маскировалась под предмет интерьера и даже неплохо в этом преуспевала.

— Привет. — Ви выглянула из-за страниц, и Пэйдж прошла по ней быстрым взглядом. Нет. Нет, никогда. Она сама наивность, у Мартина, наверное, действительно отцовские чувства проснулись, вот и все. Пэйдж плюхнулась рядом, ухмыляясь мыслям, скинула пиджак на стул и вдруг заметила, что на подносе перед Ви лежали три нетронутых брауни. — Ты успела взять! Я просто тащусь!

Мартин ушел за едой, а с раздачи вернулся расстроенный: ни нагетсов, ни мясной подливки, ничего интересного.

— Это даже не еда, — возмущался он, грустно ковыряя вилкой запеченную рыбу и тыкву с горошком. — Как воды попить!

— Ну, у тебя-то наверняка с собой что-то есть, так что с голоду не умрешь, — подначивала Пэйдж.

— Это моя заначка на оставшиеся три урока, а то я с го-

лодухи отойду.

Пока Мартин нудел, Ви наблюдала за ним, выглядывая из-за обложки. Пэйдж своровала у него с тарелки кусочек тыквы и бросила в рот. Есть совсем не хотелось.

— Забыла сказать, чтобы ты этому зануде ничего не рассказывала, — обращаясь к Ви, она смотрела на Мартина и, боднув его плечо головой, ласково к нему прижалась. — Иначе он своей заботой задушит.

— Рассказывай все, — перебил Мартин, — иначе Маккинли разнесет тут полшколы и себя угробит.

— Очень смешно! Практикуешься в остроумии?

Сперва она подумала, что ей показалось. Потом пригляделась внимательнее.

«Он что, будет тут работать?»

Недавний спаситель поднялся из-за учительского стола и, повернувшись, напоролся прямиком на изучающий взгляд Пэйдж. Не успев замести следы слезки, она улыбнулась, до боли напрягая челюсть, а он подмигнул ей издевательски хитро. Шел в их сторону. Мартин быстро выследил объект ее заинтересованности и прежде, чем спросил что-то, получил пинок под столом.

Препод прошел сзади и остановился, чтобы поднять с пола ее пиджак, соскользнувший со спинки стула. Мартин обернулся грозным цербером. Пэйдж крутанулась вполоборота, хихикнув над его выражением лица.

— Спасибо. — Она сделала вид, что потупила взгляд, а

сама уставилась подошедшему на ботинки. Красивые, начищенные до блеска... дорогие? Сложно сказать. Зато ремень был солидный, и часы золотом сверкали на свету.

— Не за что. Как самочувствие?

Его рука, повесив пиджак, случайно коснулась ее лопатки тыльной стороной. Случайно ли? Сомнительно.

— Лучше.

— Больше так не пугай, а то директриса ваша на тот свет отлетит.

Полный прикол! Пэйдж хохотнула и закивала, мечтая, чтобы он уже отошел. У Мартина под кожей заходили желваки. Изучив его с какой-то затаенной насмешкой, учитель откланялся и напоследок бросил взгляд на Ви, посмотрев на нее как на пустую стену. Ви повыше задрала журнал, в который вчитывалась уже чересчур.

— Это что было? — забухтел Мартин. — Забылся, что ли?

— Успокойся. Он мне тогда помог. Я бы без него, может, тут сейчас не сидела.

— За это я благодарен. Но я бы чела с такой рожей к детям ни за что не подпустил.

— А ты у нас лукист? Не знала.

— Не в этом дело. У него на лбу написано, что он сволочь.

— Он что ведет?

— Немецкий. Он вроде реально немец.

— Охренеть!

Ей ведь и правда показался акцент в его голосе. Иностран-

нец. Вау!

— Директриса с него обыскается, уже по всей школе рас-
трубила. Я бы тебе не советовал...

— Ой, да ладно! Он тебе ничего не сделал. Ну, подошел
и подошел, фиг с ним. Что тут плохого?

— Посмотрим, — все упирался он. — Я таких сразу чую.

— Ты сегодня бьешь все рекорды по занудству.

Мартин замолчал, скривив губы. Пэйдж подперла подбородок ладонью и продолжила украдкой следить за новым знакомым. Ее отвлек смартфон, подпрыгнувший в кармане пиджака. Звонила мама. Понятно, наконец-то до нее добрались и доложили про утренние прогулы. Отвечать не хотелось. Перед уроком она наберет сообщение, чтобы обошлось без лишних волнений, и хватит. В коридоре ее поймала медсестра и, спросив про здоровье, сказала, что в любое время ждет ее в медпункте, если ей понадобится передохнуть. Пэйдж почти не слушала, только кивала.

День, начавшийся так отвратно, обещал быть бесконечным. К пяти часам она собиралась к Кевину, а потом на подработку. Неплохо было бы найти и других соседей с детьми. Может, дать объявление или попросить Уордов порекомендовать ее кому-нибудь? Она пыталась гнать надоедливую мысль, но та стучала в мозг слишком настойчиво.

Интересно, деньги у этого учителя были?

Дважды кулаком, один раз костяшкой пальца, а в конце ногтями вниз до ручки.

За дверью слышались шаги. Пэйдж натянула капюшон толстовки до самого носа, жалея, что не надела ничего теплее.

Галка осторожно выглянула в проем, и ее глаза округлились от радости.

— Лиса! — воскликнула девочка и бросилась к ней с объятиями. — Ты одна? Медведь не придет?

— Забаррикадировался в своей берлоге. Не хочет ни с кем говорить, ничего нового.

Уже внутри Пэйдж стряхнула с себя противные капли и вытащила копну волос из-под кофты. В помещении работал обогреватель, так что замерзшие пальцы сразу стало неприятно покалывать.

Старый, полуразвалившийся сарай остался от прежних владельцев дома, но теперь в нем полностью хозяйничали дети. Отец Кевина то и дело порывался его снести, но пока что тот стоял нерушимый, отвоеванный у взрослых, и всегда был открыт тем, кто имел сюда доступ, — знал шифр, который следовало отстучать на входе. После исчезновения Карен Пэйдж сюда зачастила. Здесь ей всегда радовались и что важнее — здесь ее понимали, здесь разделяли ее горе.

Минусы были тоже: тут все напоминало о сестре. Практически так же, как дома. Чтобы создать уют, Карен скупала на

карманные деньги безделушки, и теперь они громко кричали о ее пропаже. Проектор, который Кевин собирался повесить еще весной, лежал в углу скрученный в рулон и явно не собирался переползать на стену. На тумбочке стояла общая фотография, а рядом, как на алтаре, хранились вещи, ждавшие возвращения своей хозяйки, — нотная тетрадь, блокнот со стихами, наушники, пластмассовое кольцо с лягушкой. Пэйдж не могла к ним даже притронуться.

Заяц и Хорек сидели на ковре и синхронно помахали ей в знак приветствия. На низеньком столике перед ними была разложена огромная карта, на которой в ожидании очередного хода замерли цветные фишки.

Хорек задумчиво почесал щеку:

— Ты мухлюешь как-то?

— Как? — Лицо у Жука, склонившегося над столешницей, расплылось от отеков.

— Меня не сплашивай, я тебя сплашиваю. Как ты знаешь, куда я пойду?

— Да он все знает, — улыбнулся Заяц. — Он этот... стратег!

Пэйдж молча приземлилась на диван рядом с Кевином, а он притворился, что не обратил на нее внимания.

— Стлатег! Как ты знаешь?! Научи.

— Наблюдаю. Опираюсь на самые частые решения и пытаюсь угадать варианты развития событий.

— Ну, гений! — восхитился Заяц на задворках разговора.

— Если кто и мухлюет, так это точно не я. — Тут же убил его Кевин.

— Ты на кого намекаешь?!

Хорек пихнул Зайца под дых. На коврике началась шуточная возня. Пэйдж потянула Кева за худы, сминая ткань в кулаке, но мальчик уставился в другую сторону.

— Дай посмотрю! Жук! Повернись! Не испугаюсь я твоих синяков!

— Не надо.

— Нечего стыдиться. Ты, в отличие от некоторых, поступил как настоящий мужчина. Если бы не ты...

Он рывком освободился от чужой руки. Вокруг стало тихо.

— Какой же ты упрямый баран!

— На! Смотри! — гавкнул Жук и все-таки позволил себя увидеть. — Довольна?

Ладони осторожно дотронулись до его подбородка и наклонили лицо к свету.

— Ублюдки! Ничего, они у меня оба получают!

Кевин отклонился на подлокотник. Скула у него пугающе раздулась, а левый глаз совсем заплыл и пропал под нависшим веком.

— Так это Мэтт один сделал.

— Твой брат скотина. Неудивительно, что от него Сабрина сбежала. Папа ваш куда смотрит? — Жук не двинулся, только тяжело вздохнул. — А Рей? Ей тоже пофиг? Я дума-

ла, она нормальная тетка.

С «теткой» она погорячилась. Их мачеха была от силы лет на десять старше самой Пэйдж, слишком молодая и эффектная для их папаши, стоявшего на пороге пятидесяти.

— Я сказал, что в школе подрался. — Пэйдж уже хватанула лишнего воздуха, но ее несостоявшуюся тираду успели перебить: — А ты Мартину сказала? — Она тут же притихла, задавив внутри негодование. — Так и знал! Скажи, пока еще что-то не случилось.

— Не буду, не хочу его подставлять. Это мои разборки с Алеком, не надо ему в них лезть.

— Ты так еще хуже сделаешь.

Галка, не зная, куда себя пристроить, подошла и села поближе к Кевину. Маленькие пальчики нервно сжимали краешек синей бархатной юбки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она у Пэйдж. — Лучше?

Хорек удивленно встрепенулся, забыв про игру:

— Такой сильный плиступ был?

Пэйдж отмахнулась.

— Все со мной в порядке. Зря волновались.

— Что ты! — затараторила Галка. — Я ка-ак испугалась! Как увидела, что тот новенький учитель тебя тащил! Я же не знала, что он учитель...

— Да какая разница?! — Жук хмуро глянул из-за отросшей челки. — Хоть кто!

Пэйдж закивала и протянула руку к темноволосой головке девчушки. Бриджит так напоминала ей о Карен, что щемило сердце. Хотелось обнять ее крепко-крепко.

— Ты слишком рискуешь! — не унимался мальчик.

— Я поняла, что ты недоволен, поняла.

— Один твой ухажер, вон, уже точит зубы и ждет, когда бы ими в тебя впиться.

— Он не мой ухажер. Он так... просто...

— Да, знаем, «просто».

От его далеко не тайных намеков на ее идиотизм пекло в груди. Пэйдж сделала вид, что не слышала упрека, плохо скрытого в интонациях.

— Я вас прошу — если кто-то узнает о его подставах, сразу скажите. Хоть слух, хоть полуслух. Если он сделает что-то Мартину, я его прибую.

Пэйдж потянулась к столику, где стояла большая чаша со снеками, быстро закинула в рот пару чипсинок и вдруг поняла, что не могла глотать. А что, если такой ненормальный как Алек, держит Карен где-то? Или кто-то еще хуже. В мыслях замелькали картинки, которые она по случайности видела в интернете... Боже, пусть она только будет жива, пусть вернется домой! Со всем остальным они могли бы справиться вместе.

Она аккуратно взглянула на Жука, угадывая, о чем он думал. Ей казалось, она хорошо знала его чувства... Потеря раздавила его, раздробила все кости и оставила лежать на обо-

чине жизни.

Галка, отвлекая, погладила ее руку. Пэйдж легонько ущипнула малышку за нос.

— Как твои родители? — спросила птичка, совершенно случайно сделав разговор еще невыносимее. — Агата мне ничего не рассказывает.

«Потому что ничего не знает».

— Так себе. Папа пока живет у бабушки, мама таблетками закидывается и почти все время спит, а когда не спит, плачет. Денег нет и где их взять, я не знаю. Если бы директриса не заупрямилась, я бы с нее стрясла хоть что-то, и мы бы с Алеком не сцепились.

— Ага! Он бы так это и проглотил, да. — Поднявшись, Жук принялся копать в тумбочке. — Вот. — Какой-то комок плюхнулся на столик. Пэйдж подалась вперед, чтобы его развернуть, и поняла, что держала в руках чью-то футболку. — Это вам. Мы тут собрали кое-что. Немного, конечно, но лучше, чем ничего.

Пэйдж часто моргала, пытаясь осмыслить услышанное.

— Вы где это взяли? Украли?

Жук поморщился:

— Тут все наши карманные деньги, Рей подкинула еще, когда узнала, что для тебя собираем. Остальное...

— Нажили воровским путем, — заулыбался Заяц. — Тебе эти деньги стопудово нужнее, чем их прошлым владельцам.

Пальцы дрожали, когда пересчитывали купюры.

— Я бы хотела сказать, что я их не приму, но... вы знаете. Я не могу не принять.

Чтобы скрыть слезинки, Галка молча зарылась в рукав ее толстовки. Пэйдж сделала над собой усилие, чтобы заговорить:

— Не надо, Бридж, не плачь. Я сделаю, что смогу. Все будет хорошо. Как раньше.

Паб, 21:36

Лет пятнадцать назад у мальчика был воздушный змей — разноцветный треугольник, так высоко паривший в небе, что увидеть его получалось, лишь прикрыв глаза от солнца. Пока он был яркий, красивый, хозяин его обожал, но прошло время и тот ему приелся. Он потускнел, поистрепался, однако все так же поддавался любому движению — то спускался к земле, то взмывал в воздух. Мальчик стал испытывать его на прочность: как сильно нужно дернуть, чтобы порвалась нить? Он попробовал раз, два, три... Змей улетел, оставив в руке кусок шнура на память. Не потерялся, а попал в плен ветвистого дерева, как будто специально, чтобы соседский ребенок достал его и присвоил. Увидев свою вещь в руках другого как новую, ее владелец забыл, что она надоела ему уже давно, что он разлюбил ее. Ему захотелось вернуть назад свою собственность.

Виски не заглушило обиду, даже наоборот — сделало ее

острее. Наблюдая, как Мел смеялась за барной стойкой с другим парнем, Вил ощущал себя точно так же, как тогда в детстве.

За час, проведенный за самым неприметным столиком, он успел рассмотреть их обоих. Голубые глаза Мел на свету мерцали сапфирами, и Вил прекрасно знал этот взгляд: когда-то она и на него так смотрела. Ее новый ухажер был слишком дорого одет для этого заведения, она явно подцепила его не здесь. Наверняка сын знакомых ее родителей. Скорее всего, отца.

Вил выпил еще. Чувствовал, что напивался, но не мог дернуть стоп-кран, хоть и помнил, что ему теперь выкрутасы вроде заварушки в баре совсем ни к чему. Потерять работу, на которую его устроили по знакомству, толком не войдя во вкус, было бы верхом идиотизма. И все же он встал, чтобы подойти.

Все места у стойки занимали гости. Мел, среагировав на движение позади кавалера, кинула взгляд через его плечо. Ее глаза потемнели от надвинувшихся бровей, а алый бантик губ разомкнулся, чтобы ахнуть.

— Что ты тут делаешь? — Вил еще не приблизился, а она уже вскинулась. — Ты что, следишь?

Вырядилась шикарно. Платье из зеленого шелка очень ей шло, ему нравилось, когда она его надевала. Это был его подарок на прошлый день рождения.

— Смотрю, не теряешь времени зря, — сказал Вил.

Она аккуратно поднялась и схватила все еще ничего не понимавшего спутника за рукав пиджака.

— Заплати, пожалуйста. Давай уйдем.

— Ни хрена себе, уйдем! Нет. — Вил протиснулся ближе и встрял между ними, преградив ей путь. — Дай мне сказать.

— Я не хочу с тобой разго...

Мел попробовала отодвинуться, но он дернул ее за предплечье и тут же почувствовал на себе крепкую чужую руку, пытавшуюся его обездвигить. Не помогло. Он наклонился к Мелани и прошипел:

— Я сейчас тут все расхуюрю, если ты меня не послушаешь! — Решительность сползла с ее лица. Она испуганно скосила взгляд, и Вил тоже разобрал, что разговоры вокруг стали тише. — Я таскаюсь к тебе домой без конца, звоню, «беседую» с твоей мамашей!..

— Послушай, приятель, правда, остынь. — А, с ним говорил этот ее любовник! И сюда влез. — Выйди на воздух, остуди голову.

Парень щелкнул пальцами, подзывая кого-то.

— Ты пьян, — прошептала Мел. — Просто уйди. Уйди! Хватит уже!

В уголках ее глаз набухли слезы. Вил ослабил хватку. Пальцы прошлись по бархату тонкого запястья и теперь сжали осторожно. С нежностью. Показалось, он разглядел в лице Мел не только страх, но и стыд, что посетители устали на них из-за него, неадекватного, пьяного. Ее дружок

все пытался держать его на расстоянии. От этого начинало трясти. Вил развернулся и пихнул его от себя. Звуки перемешались. Теперь Мел сама набросила ему на плечи ладони, но оступилась на высокой шпильке и чуть не упала. Уже плакала, он слышал. И голос у нее стал жалким.

— Вил! Вил, перестань! Не трогай его!

Да он и не успел бы. На него напала посторонняя сила и сразу оттащила прочь. Люди отшатывались, стремясь в центр зала, подальше от скандала, который на самом деле даже не состоялся до конца. Вил задел ногой ближайший столик. Бутылка с него соскочила, и вино хлынуло из нее, как из вскрытой артерии. Мел, вздрагивая, утирала с щек черные следы туши, а парень гладил ее по обнаженным плечам. Сволочь. Ему бы пальцы сломать.

Вила пинком проводили за дверь.

— Продышись, ублюдок. Одно нажатие и тут полиция рисуется. Поедешь отдыхать.

Он остался на улице в одиночестве. В спине до сих пор торчало матерное оскорбление, брошенное барменом ему вдогонку. Вил сполз на бордюр, тяжело втягивая воздух, и нащупал в кармане джинсов измятую пачку сигарет. Закурил. Земля, дура ненормальная, все качалась и качалась... Пришлось зажмуриться и сжать виски. Горькая слюна встала в горле.

— Извините. — Тишину разбил женский голос. — Ваш телефон.

От поворота подскочило давление. Позади стояла молоденькая официантка в дурацком клетчатом фартуке и, не решаясь подступить ближе, прижималась к стенке. Дурочка какая-то. Если боялась, зачем вышла за ним? Она неловко протянула ему смартфон с самым жалостливым выражением лица, которое он когда-либо видел. Вот так, дожил. Он уже вызывал жалость у женщин! У симпатичных девушек... звучало не так уж и плохо. Не захотела бы она пожалеть его сильнее?

Он выпустил дым через нос и забрал находку.

— Точно. Спасибо, крошка.

Девчонка не ушла. Мялась, не говоря ни слова, и шумно дышала. Напрашивалась. В ожидании удаляющихся шагов, Вил затянулся сильнее, но так их и не услышал. Тогда он посмотрел на нее снова. Большие карие глаза изучали его с интересом. Она так размалевалась, будто нашла у матери косметичку и, побоявшись, что та ее отнимет, намазала на себя все подряд. Вил улыбнулся. Ей восемнадцать-то хоть исполнилось?

— Ты, походу, ненормальная? Идешь за пьяным мужиком одна. Инстинкт самосохранения есть у тебя? Твои родители с ума бы сошли.

— Наверное.

Кто-то открыл дверцу машины и отвлек ее внимание. Вил затушил окурок об асфальт.

— Иди назад, а то еще искать тебя будут. И больше не

ходи за такими, как я. Плохо кончится.

Вил встал, пошатнувшись, и направился в сторону проезжей части. Люди гуляли по центру, наслаждаясь безветренным вечером. Вил глянул на экран телефона — за то время, пока он упивался позором, ему звонили трижды.

«Тебя еще не хватало! Verpiss dich!»

Он смахнул имя Фрэнка с экрана, с глаз подальше.

Школа, среда, 08:39

Ви напряженно осматривалась в ожидании Пэйдж. Та уже должна была быть здесь. Опаздывала? Хоть бы предупредила, раз уж они теперь старались лишний раз не расставаться в пределах школы, чтобы Кадманну было труднее застать ее врасплох.

«Дзынь!» — пискнул смартфон.

Очень вовремя, сейчас уже регистрация начнется.

Телефон продолжал как сумасшедший и в конце концов, стал трещать не переставая.

Чат в мессенджере создали буквально пару минут назад, но людей в нем было под завязку, а сообщения поступали со скоростью света.

«Сиськи — бомба! ;)»

«Фу!»

«Куда скинуть донат?»

«Кадманн, ты козлина!»

«Ой, тоже мне, открыл Америку!»

«А кто создал чат? Зачем меня сюда вообще добавили?»

«Маккинли, чего зря расходуешь свой талант? Просто позвони мне! Я заплачу!»

Ви приросла к школьному крыльцу. Слоеный пирог из оскорблений скрывал в себе гнилую сердцевину — фотографии Пэйдж явно не предназначались для широкого круга лиц. Где он их достал? Нашел или она скинула сама? В любом случае, для его поступка не нашлось бы никаких оправданий.

Новости разлетелись быстрее, чем шоколадные маффины в столовой. Войдя в класс, Ви сразу же словила пару косых взглядов. Приятельница еще не появлялась. Лучше бы ей сегодня не приходиться вовсе. Зато здесь торчал Алек. Он учился во втором классе старшей школы и не ходил с ними на одни занятия, но почему-то сидел в кабинете. Гогоча, он так распалялся, рассказывая подробности, что мог бы допрыгнуть до потолка. Его звездный час отдавал дерьмом, но его это не смущало. Наверное, запах привычный.

Ви нацепила на лицо бесстрастную маску. Идя к пустому месту, она не заметила, как Алек выставил ногу в проход. Конечно, специально. Она споткнулась, но в последний момент сумела удержать равновесие.

— Не увидел тебя, клопиха. Заценила фотки? — Его черные глаза оставались злыми, а улыбка выглядела неуместной. Ви промолчала, да ему и не требовался ответ. — Огонь,

а? Даже подрочить пришлось. — Она попыталась пройти мимо, но он загородил проход коленом. — У тебя таких нет? — Их взгляды пересеклись. Ви держала рот на замке. Пусть он насладится жалким превосходством, пусть получит минуту славы в кругу школьников, раз ему так этого хотелось, пусть! Ее это не касалось. — А если найду?

Добравшись до парты, она встала спиной к общей массе народа. Кадманн продолжал ржать. Ви мечтала съездить ему по морде чем-то тяжелым, лишь бы он наконец заткнулся.

— Она струсит и не придет, спорим?

— Пэйдж? Струсит?

— Алека бы избить хорошенько...

Дали звонок, и Кадманн испарился. Разговоры тоже оборвались, повиснув в воздухе, как перерезанные провода. Ви, еще не оборачиваясь, поняла, что ставку на трусость делать не стоило. Пэйдж пришла и села за парту прямо перед ней.

Вошел учитель. В классе по-прежнему не прозвучало ни звука. В горле у Ви стоял ком. Она осторожно коснулась плеча Пэйдж, которая тут же вполоборота кинула ей улыбку, и отмахнулась, должно быть, разглядев в лице Ви сочувствие.

— Все нормально.

Сосредоточиться на предмете не получалось. Алек господствовал в голове со своей дебильной, отвратной рожей.

Стрелки часов прилипли к циферблату. Пэйдж сидела, выпрямив спину. Назойливые разглядывания ее как будто не смущали, хотя многим было интересно, как поведет себя

героиня дня. Когда прозвенел звонок, она схватила учебники и вышла. Ви долго смотрела ей в спину, но следом не пошла. Дала время прийти в себя. Она не спеша уложила вещи в рюкзак, нащупала в кармане наушники и спрятала их в ушах, слегка вытянув из пучка волосы у висков. Хотелось отстраниться, но в коридоре все стало только хуже.

Мартин летел по проходу как грузовик с отказавшими тормозами, подворачивая рукава прямо на ходу. Форменный галстук болтался у него на шее развязанным. Ви с тоской и долей раздражения смотрела вслед, уже зная, что будет дальше. С одной стороны — правильно, Алек заслужил, с другой стороны — ей даже малейшее соприкосновение с чужими конфликтами сейчас было ни к чему, но и уйти просто так она уже не смогла бы.

Она пошла за Марином, предчувствуя худшее. За поворотом, у туалета в дальнем углу, уже собралась толпа. Ви втиснулась в нее, просачиваясь меж тел. Незнакомые парни втроем оттаскивали Мартина от Алека.

— Чего бесишься, Гилмор? — орал Кадманн. — Фотки не зашли? Или обиделся, что не тебе прислали? Радуйся! Без моей помощи ты бы ее пизду никогда не увидел!

Ви вытаращила глаза. Нет, парочка зубов у него во рту точно была лишней.

— Рот закрыл! — рявкнул Мартин, делая отчаянную попытку прорваться сквозь живую стену.

На горизонте нарисовался друг Алека — крепкий, здоро-

вый парень с бритой головой. Он на ходу раскидал возмущенных зевак. Судя по наряду, прибежал прямо с урока физкультуры. Весь потный, дышавший через раз, он точно выпрыгнул из спортзала и сразу оказался здесь.

— У-у-у! Боюсь-боюсь! Да отвали, Мэтт! — Кадманн взбрыкнул, увернувшись от нового заслона. — Не собираюсь я на него бросаться, я же не бешеный!

На лице у Мартина выступили бордовые пятна. Ви впервые видела его в такой ярости.

— Брось ты, чувак! — успокаивали его другие. — Он того не стоит. Оставь дерьмо в покое, а то измажешься.

Алек, услышавший поклеп в его сторону, заорал как падочный:

— Суки, смотрите, а то и вы получите! Уебки! Вы тут все ублюдки!

Из дальнего конца коридора к ним уже приближался учитель. Незнакомка рядом с Ви не могла промолчать и, к удивлению соседки, выкрикнула:

— Червяк вонючий ты, Кадманн! У нее сестра пропала, а в тебе никакой человечности нет!

Да, Ви была согласна с ней во многом.

— Внатуре! — разнеслось со всех углов. — В мамку пошел!

— Пошли вы все! — продолжал орать Алек, уже не разбирая, кому и зачем, а Ви стало противно стоять в толпе, собравшейся вокруг него.

— Черт, мистер Паксон идет! — зашептал чей-то голос.

— Сваливаем! А то еще попадем под раздачу.

— Идем.

Народ зашевелился, жужжа, как оживший улей. Ви не знала, стоило ли уйти или остаться и поговорить с Мартином? Вроде бы для настолько личных разговоров они были недостаточно близки.

— Что здесь происходит?! — спросил подошедший учитель. — Кадманн?! Что опять у тебя? Хочешь отстранение от уроков?

— У меня?! Это вы, вон, у него спрашивайте, с хера он на меня кидается!

Судя по потрепанному, но, в целом, нормальному виду Кадманна, Мартин его ударить не успел.

— Лучше молчи, а то и правда врежу!

— Так, вы оба! Собрались и к директору! И поживее, пока перемена не закончилась.

— Класс! — цыкнул Алек, а потом, как ни в чем не бывало, пошел в сторону лестницы, поправляя рубашку, смятую руками защитников.

Ви с тяжелым вздохом проводила взглядом эту процессию, маршировавшую к кабинету директрисы, и вдруг почувствовала поблизости чье-то присутствие. Рядом появилась Пэйдж. Она тихо наблюдала, как Мартина уводили прочь. Карие глаза припухли от слез. От нее веяло беспомощностью.

— Он видел, да? — От неловкого участия в чужой драме Ви мечтала провалиться сквозь землю. Она до боли сжала зубы, гадая, стоило ли вообще отвечать на вопрос, ответ на который был очевиден для каждого. — Не парься. Конечно, он видел, я поняла. Все видели. Он меня возненавидит теперь. Ты что, он же такой правильный! А ты? Что думаешь? Ты же тоже, наверное, правильная? Считаешь, я какая-то шлюха? — Пэйдж терпеливо ждала ответа. Ви отрицательно помотала головой, пусть и могла бы сказать ей многое и поучить, как делать не стоило. — Ты так мало говоришь... ты всегда такая или стесняешься? Мне непривычно. Агата столько болтает.

Каменный пляж города Клиффрок, 17:16

Клиффрок — портовый городок на краю Англии был таким маленьким, что даже удивительно, как умудрялся вмещать в себя столько людских жизней. Иногда, например, сегодня, Пэйдж его презирала и мечтала сбежать подальше, к свету ярких огней столицы, к «большой» жизни, но чаще любила, как любят часть себя, с которой приходится мириться, несмотря ни на что. Клиффрок был частью нее тоже. Серый город из грубого камня, окруженный лесами с одной стороны, и океаном — с другой. За пределами улиц он снимал маску, становился диким и своенравным, кричал в порту головами чаек, ревел паровыми гудками и дышал свежестью влажных зеленых листьев.

Здесь можно было поплакать. Пэйдж просидела одна не менее получаса и уже не чувствовала ни холода, ни стыда. За пару секунд до появления подруги она спрятала окурок под камень и промокнула ресницы.

Агата нависла над ней, кутаясь в кофту.

— Тебе нужно завязывать с куревом, — сказала она. Ветер бросал ее светлые волосы в разные стороны и игрался с сережками, приводя крупные кольца в движение.

Пэйдж пропустила упрек мимо ушей. Их короткие пересечения во время учебы были гораздо более неприятными, чем специальная встреча, но если бы не Кадманн, Пэйдж предпочла бы и дальше держаться на расстоянии.

— И тебе привет.

Агата не шелохнулась. Ноги в узких голубых джинсах заметно подрагивали от холода.

— Пойдем лучше пройдемся.

— Сядь пока. Надо кое-что обсудить.

Агата повиновалась, но вплотную садиться не стала, а Пэйдж все ждала ее нового взгляда и никак не могла выловить его из воды.

— Слышала, вас обоих с родителями к директору вызывали. Что сказали? Исключат его?

Как приятно, что она сразу спросила про Алека, будто это он, несчастный, был пострадавшим.

— Нет. — Пэйдж от едкости удержаться не смогла: — Можешь не волноваться. Сделают запись в личное дело и на вос-

питательные курсы отправят. Три месяца теперь будет слушать, как он плохо поступил и почему так делать нельзя. Может, что и дойдет. Так он весь побелел и затрясся, когда ему про полицию сказали, смотреть тошно было.

— Ты, естественно, этим недовольна?

Пэйдж подтянула колени и уткнулась в них ледяным носом. Подбираясь все ближе и ближе к подошве кроссовок, пена шипела, слизывая с камней пыль. Океан, качавший волны, пах морской солью с примесью йода. Запах щекотал ноздри.

— Единственное, чего мне хотелось, так это чтобы мы в том кабинете не сидели больше ни секунды.

— А твоя мама? Она что сказала?

— Плакала. Пыталась к совести его воззвать, но он не слушал. Дядя в основном его говорил, извинялся, упрашивал до полиции не доводить. До первой промашки Алека. Ну, а мама... она не в том состоянии, чтобы разбираться еще и с этим. А я настаивать не стала.

Подруга продолжала что-то болтать, но Пэйдж не слушала ровно до тех пор, пока Агата не сказала:

— Я удивилась, когда ты позвонила. Ты же вроде хотела побыть одна, поэтому всюду таскала за собой эту мелкую фричку?

Было в этом что-то одновременно надменное и жалкое. Как будто вот, ура, Пэйдж прибежала к ней, когда стало плохо. Дуреха, она ее позвала не для того, чтобы жаловаться.

Она чужой жалостью уже давилась.

— Давай не будем сейчас выяснять отношения. У меня дело, отнесись серьезно. Насчет дня рождения. Все будет, как обычно?

Агата фыркнула.

— Если ты придешь, конечно.

Пэйдж было далеко не до вечеринок, но лучшего момента подловить Алека могло не представиться, так что пришлось сцепить зубы.

— Приду и...

— Я не стану звать ее!

— Успокойся. Забудь про Ви, дело не в ней. В Алеке. Его ты позовешь?

Агата наконец посмотрела на нее, не увиливая.

— Не знаю. А нужно?

— Не знаешь? — с издевкой переспросила Пэйдж. — Уверена?

— Да, я позову. Это ваши с ним терки, не мои. Что ты придумала? Опять хочешь, чтобы...

Пэйдж протестующе заткнула ей рот:

— А ты можешь сказать Мартину, что ничего не будет? Ну, праздника, вечеринки.

— Так он мне и поверил! Не скажу я, скажут другие. Хотя вряд ли он придет, чего ты переживаешь? Что ты придумала, можешь сказать?

— Могу. Помнишь, мы с Джеком тусили?

Агата нахмурилась.

— Футболист который?

— Да. Я его попрошу, чтобы он ребят из команды привел.

Посмотрим, как этот гад будет разговаривать с ними.

Баскетбольная площадка, пятница, 18:47

Вил сделал новую затяжку. Терпкий туман, витавший вокруг, постепенно рассеивался. Сложив губы трубочкой, Эрик выпустил дым кольцами.

— А я уже начал за тебя побаиваться, — сказал он, прищуривая задорные голубые глаза. — Пропал, как в воду канул.

— Понял-понял. Ты соскучился, хранил у сердца мою фотографию.

Улыбка друга скрылась за воротником ветровки. Дождь перестал моросить в обед, но оставил после себя неприятную прохладу. Эрик сидел, съежившись, то и дело заправляя за уши разлетающиеся отросшие волосы.

Фонари освещали площадку только наполовину. Соседские парни, по-прежнему бросавшие мяч в корзину, нарушали вечернюю тишину скрипом кроссовок. Один из них швырнул мяч и-и! Забил трехочковый! В знак почтения Вил громко свистнул со скамейки под аккомпанемент аплодисментов Эрика.

Даже непривычно, что здесь был кто-то кроме них. До то-

го, как Вил заперся в квартире на несколько месяцев, будучи между запоем и депрессией, они приходили сюда гораздо позже — когда у Эрика заканчивалась практика в больнице, а Вил еще не бежал на ночную подработку, сломя голову.

— И что? Ты бухал три месяца?

Вил оторвался от игры на площадке.

— Правду сказать или наврать для твоего успокоения? — Эрик приподнял брови и неопределенно пожал плечами. — Да, бухал.

— Же-есть!

— Толком ничего не помню. Более-менее очухался, когда тебе насчет работы позвонил, а до того — просто провал. В квартире бардак, а разбираться сил нет. Хожу по этой помойке, не могу себя в руки взять.

Чем больше подробностей вкидывал Вил, тем кислее становилось лицо у друга. Все-таки хорошо, что додумался отсидеться дома и отвечать только на сообщения. Сейчас не за что было оправдываться, не за что краснеть.

— Значит, Мел не вернулась?

— Уже нашла мне замену.

— Чушь! — всполошился Эрик. — Кого?

— Еще не выяснил.

— Но ты же... пытался перед ней извиниться? Объяснить все? Поговорить?

— Я к ней хожу целый месяц. Там эта мумия древняя, мать ее! Затрахала. Сказала, лучше сдохнет, чем даст нам

пожениться.

Эрик задумчиво почесал голову. Затяжки у него становились все глубже, а перерывы между ответами дольше.

— Ну, ее винить я не стану. Ты должен понимать. С Мел ты поступил погано, а она мать. Любая мать хочет счастья своему ребенку.

— О, правда?

Ирония его не задела.

— Исключение — подтверждает правило. Будь я матерью Мел, я бы тебя и на порог не пустил. Скажи спасибо, что она тебе вообще дверь открыла. А что... с той?

Один вопрос у него был лучше другого. Если бы Вил еще знал, что отвечать. Где-то глубоко в душе он даже немного жалел, что рассказал всю правду.

— Без понятия. Кажется, уехала. Поступила в университет.

— Поступила в университет, — смаковал Эрик, зажмурившись. — Замечательно! Сколько же ей лет?

— Восемнадцать ей было.

Молчание обжигало то ли смятением, то ли осуждением.

— Нет, это радует, конечно. Что восемнадцать все-таки было. Не знаю, что сказать. Как Мел про нее узнала?

— Тоже без понятия. Не успел спросить. У нас было всего раз. Так получилось. Не специально. Я не принуждал и не настаивал. Мне это вообще ни к чему.

— Да-а, ни к чему. Но не отказался. А мог бы. — Вил вы-

дохнул с усталостью и раздражением одновременно. — Ладно, чего ты? — Эрик с силой ударил ему по спине. — Хватит тухнуть! Все к лучшему. Посмотри на это с другой стороны — забей хер. Не нагулялся? Ты теперь опять свободен. Кольцо продай, найди себе кого-нибудь, с твоей хваткой это раз плюнуть, живи припеваючи. А можешь вообще никого не искать. Сейчас серьезные отношения мало кому нужны, а трахаться хочется всем. Да и Мел твоя вдруг еще вернется?

— Natürlich, sie kommt zurück! Даже не сомневаюсь. Еще вопрос, сколько продержится. Я ее содержал «от» и «до», она в своей жизни ни дня не работала. Кто будет так жопу рвать, кроме меня? — Вил не дал Эрику возможности возразить, пусть и видел, что слова разъедали ему горло. — Папка ее только.

— Тебя твоя гордость заела, я никак не пойму? Вот, чего ты бесишься. Послушай — забей!

— Нашелся советчик. Сам одинокий волк, а другим советы дает.

— Ну и что? Я, может, этим горжусь? Пусть я волк одинокий, зато счастливый. У меня пока одна в мыслях — моя учеба, господи прости. А ты завязывай ерундой заниматься, работой лучше займись. Из головы сразу все бабы выскочат. — Он поднялся и взял с земли баскетбольный мяч. — Имей в виду, дед за тебя в школе хорошенько впрягся, так что давай, не подставляй нас обоих и работай не на отвали. Иначе нам хана, он нам обоим головы открутит. Пошли за пивом

уже, чего расселся? Мне завтра на практику в восемь утра, а я тут все с тобой сюсюкаюсь.

Вил подхватился со скамейки.

— Сигарету скурил, теперь пиво... Как же твой здоровый образ жизни? Я столько пропустил?

— Это я всегда успею, а пиво выпить могу и не успеть. Завтра меня машина собьет, а я что, на ночь сельдерея пожевал? Так хоть умру с чувством собственного достоинства. Идем! Сегодня «Властелин колец» по телеку, надо еще что-то перекусить взять, а то дома жрать нечего. — Вил шел за ним с улыбкой. Даже повеселел. — Заодно познакомишься с кухней, а то уже сколько живет, а вы не виделись.

— Я уже и забыл. И как она?

— Увидишь. И комод новый заценишь. Из черного дерева, между прочим. Жаль все-таки, что я на твоей свадьбе на бухаю. Я бы сам в такое говно нажрался!

После того, как миссис Хэйз перебралась с новым мужем в другую страну, Вил бывал в гостях у Эрика почти так же часто, как у себя дома. Особенно в последнее время, когда с Мелани все катилось к чертям и возвращаться к ней каждый вечер было пыткой.

На втором этаже хозяин квартиры безуспешно попробовал провернуть ключ в замочной скважине, держа в одной руке пакет с продуктами, а в другой — связку пивных банок. Не выдержав этого удручающего зрелища, Вил сам нажал на звонок. Дверь нерешительно приоткрыли с другой стороны.

— Привет. — Эрик протолкнулся в узкий проход. — Ты не спала еще? Не разбудили? Че-т мы там заигрались, а расхотиться не хотелось, уж извини, пришли посидеть.

Вил не услышал ответа. Он делал вид, что не очень заинтересован, хотя любопытство жрало его с костями. Сильно они похожи или вообще нет? Чтобы не смутить девочку сходу, он кинул пробный взгляд и принялся старательно запира́ть замок.

Ого! Выглядели совсем как настоящие брат с сестрой — темноволосые, светлоглазые, с длинными прямыми бровями, на носах рассыпью лежали веснушки. Только Эрик почти не уступал Вилу в росте, а девчонка — худенькое, крошечное создание — терлась рядом воробушком и постоянно пыталась спрятаться.

— Я вам столько друг про друга рассказывал, вы, считай, уже заочно знакомы. Ви — моя кузина. Э... — протянул Эрик неуверенно, уставившись на Вила. — Ей тебя как называть-то — герр Фойербах или можно Вилом?

— Прикалываешься? Какой еще «герр Фойербах»? Я что, на работе? Просто Вил.

Он уже машинально начал нагибаться, чтобы лучше разглядеть лицо новой знакомой, но друг словно намеренно прикрывал ее своим телом.

— Я тебя где-то видел вроде, — сказал, наконец, Вил, напрягая память.

— Так она в той же школе учится, где ты теперь работа-

ешь.

Вил пригляделся внимательнее и защелкал пальцами, стараясь вспомнить:

— Понял! Понял, где видел. Подружка рыженькой. Как ее? Пэйдж?

Девочка кивнула.

Он улыбнулся ей самой обворожительной улыбкой на свете, но ничего не получил взамен. Вил стоял в проходе, сияя как начищенный чайник, а она лишь один раз посмотрела на него прямо. Очень быстро. Будто хотела убедиться, смотрел ли он, и сразу отвела глаза, обжегшись о его взгляд, изучающий ее уже совсем бессовестно.

— Такая ты кроха, тебя прям не заметишь, а то вы так похожи, я бы еще тогда догадался.

Он ожидал услышать хоть какой-то ответ, но она снова ничего не сказала. Натянувшейся нитью между ними повисло напряжение, и Вил не понял, откуда оно взялось.

— Ничего, еще вырастет, — опять встрял Эрик, суется между ними. — Откормим! Идемте съедим что-нибудь, а то у меня уже желудок к горлу прилип. — Он поднял пакеты и ушел на кухню.

«С ней что-то не то, — осенило Вила. — А ты, идиот, лезешь! Аутистка какая-то, что ли? Или нет? Как они вообще выглядят?»

С отъездом миссис Хэйз кухня потеряла свой шарм: пропали сшитые вручную занавески, исчезли вечно свежие цве-

ты в вазах, половники и прихватки попрятались по ящикам. Вил протиснулся к столу, по-хозяйски рухнул у окна и стал разминать затекшую шею. Он почему-то ждал, что девочка сядет рядом или хотя бы перестанет стоять в проходе, как молчаливая тень.

Эрик, раскладывавший продукты по местам, выглянул из-за дверцы холодильника:

— Посидишь с нами? Мы там сэндвичи взяли, хочешь один? С индейкой и моцареллой. Сейчас я их в гриль суну, будешь? А это че такое? — Он вытащил с полки кулек с конфетами. — Дед приходил?

Она кивнула. Вил смотрел на ее фигурку в коротких шортиках и невольно чувствовал себя причиной ее смущения.

— Садись-садись. — Он похлопал по обивке соседнего стула. — Не бойся ты, я не кусаюсь. Садись, тебе теперь часто меня видеть придется. Я живу тут практически.

— Дождетесь, и я со всех вас начну брать квартплату.

— Не хочу мешаться, — сказала она наконец, удостоив вниманием только Эрика, а Вил сделал над собой непомерное усилие, чтобы снова улыбнуться дружелюбно. Он влез, опережая ответ друга.

— Ты не помешаешь, солнышко. Расслабься. Не надо так смущаться.

— Спасибо, — выговорила она как будто с трудом. Голос у нее был тихий, но не звучал по-детски. — Но я лучше пойду к себе.

— Твое право, — сказал Эрик. — Я принесу тебе сэндвич.

Когда она повернулась, чтобы уйти, на кончиках ее волос свет запутался в синих бликах.

— Приятно познакомиться, — кинул Вил ей вдогонку и молча перевел взгляд на Эрика. Тот ничего не говорил, пока не услышал, как захлопнулась дверь в комнату кухни. — Ничего себе, мамзель!.. А ты ждал еще, что она будет фортели выкидывать.

— Пока что чаще всего она такая тихоня, как будто ее и дома нет. Наверное, еще не привыкла. Она хорошая, не подумай ничего, просто ей тяжело дался переезд.

Банка пива открылась с хлопком, и Вил быстро отхлебнул из нее, поймав ртом взбешенную пену. Приятная хмельная прохлада осталась на языке.

— Акцент жуткий. Она откуда?

— В Болгарии она жила с отцом.

— У! И надолго к тебе?

— Не знаю, насколько захочет. Там семейные проблемы, не хочу в них вдаваться, да и дело не то чтобы мое. Пусть живет, я не против. Вдвоем как-то повеселее, мне одному такой квартиры многовато. Да и убираться долго. — Он тоже достал банку и отпил, причмокнув от удовольствия: — Кайф! Пряма жизнь по венам потекла.

— И это я еще алкаш!

— Тш, не пали! Я вот чего попросить хотел. — Вил весь обратился в слух. — Ты же все равно в школе торчишь, при-

гляди за ней одним глазом по возможности, ладно?

— Боишься, обидят твою скромницу?

Эрик ухмыльнулся.

— Вроде того.

Приглядеть за этой крохой — раз плюнуть и два харкнуть! Никаких вопросов. Дед Эрика ему новую работу нашел, неужели он им в ответ не помог бы с такой мелочью?

— Gut. Можешь спать спокойно, никто там ее не тронет.

— Я все-таки надеюсь, что твоя помощь не пригодится, просто так прошу, на всякий случай. Чтобы был там кто-то ей знакомый, кто, если что, поможет, пока она еще не освоилась. Только не усердствуй, окей?

Вил поддакнул.

— Успокойся, сказал же! Мне что, с твоей кузиной в космос лететь, ты такие инструкции даешь?

— Волнуюсь. Я еще никогда не был родителем. — Он наклонился, поднял с пола кошачью миску и насыпал туда корм. — Макбет! — Сухие шарики звучно подпрыгнули в тарелке.

На кухню влетел черный шерстяной комок. Пушистый хвост стоял трубой. Он повелительно мяукнул, чтобы перед ним поставили ужин.

— Бандюга!

Глава 3

Лес за городом, суббота, 06:13

Кевин все время смотрел себе под ноги, пока шел за отцом. Он слышал, как ветер ласкал листву, слышал, как скрипели сапоги, переступая с кочки на кочку, но сам как будто был не здесь и не сейчас.

Раньше лес ему нравился, Кев даже считал его своим другом. Ему можно было принести что угодно — злость, обиду, отчаяние — и оставить, чтобы он это спрятал. Лес всегда помогал, всегда проглатывал секреты. Держал их внутри себя, как в коробке, до тех пор, пока они не растворялись во времени. Или пока их не начинали искать.

«Отдай! Отдай, отдай! — уговаривал Кев теперь, когда тот старался уже чересчур. — Не мне, другим, отдай!»

Он плотнее натянул капюшон и пошел легче, тише. От долгой ходьбы по неровной почве спина отца, маячившая впереди, вздымалась тяжело. Обломанный пруттик, похожий на тростинку, вцепился в куртку у него на лопатке. Кевин знал, просто чувствовал, что папа сейчас заговорит, и отставал, замедляясь с каждым новым шагом.

Резкий запах влажной травы дурманил голову.

— Где ты там? — повернулся отец мельком и принял-

ся ждать, когда они поравняются. Кев весь внутренне вывернулся, уговаривая себя подойти, да еще и остаться при этом равнодушным. — Иди сюда, ко мне. Что у вас с Мэттью опять случилось? Избил он тебя за что?

Из школы позвонили в тот же день. Интересовались, кто поставил ему синяк на пол лица. Кев наврал, что играл в футбол, и мяч прилетел в голову. Должно быть, не поверили. Отцу врать не стал. Без толку.

— Он мне сказал, это ты на него бросился. Правда?

— Правда.

— Не думай, что я только тебе мозги полоскаю. С Мэттом я уже договорился. Последний раз такое терплю от него. Но и ты имей в виду, от тебя тоже не потерплю. Вы не в том положении, чтобы собачиться. Вы же одна кровь! Друг за друга горой должны быть, помогать, прикрывать, а вы!..

Кев обогнал его. Какое-то время шел впереди, прорываясь сквозь ветки, хлеставшие по лицу, и для отца их не придерживал тоже. Наоборот — хотелось, чтобы хоть одна саднаула по нему посильнее.

— Какое же вы дурачье! Как два барана на мосту бодаетесь. Кто у вас ближе потом будет? Друзья? Не-ет, мой хороший, никого не будет. Друзья — пшик и их нету. А я помру.

Чтобы отец держался на расстоянии, Кев ускорился еще и стал специально отодвигать прутья рывками. Если бы он сжал челюсти плотнее, зубы бы раскрошились.

— Дружков-подружек ты еще кучу найдешь, а брат один

у тебя. Я понимаю, ты сейчас расстроен, но надо вовремя и остановиться. О себе подумать. Слышишь ты меня? Кевин! Подрастешь — вон, любую девчонку выбирай, будет твоя. Так что брось! Из-за них убиваться — гиблое дело. Если б я так из-за матери вашей... Ладно, не буду.

Что он говорил?! Как он мог сравнивать?!

Листья, зарябившие перед глазами, слились в пятно. Кевин приподнял подбородок в попытке удержать слезы. Не надо было, чтобы папа их видел. Лучше бы он замолчал.

Вместо этого отец чертыхнулся.

— Вот дрянь! — сказал он, заставив машинально глянуть назад. — Смотри, смотри, поползла, сучка! — Меж травы крошечная гадюка вилась тонким черным ручейком. — Ты, наверно, ее напугал. В сапог куснула, тварь такая, хоть не в ногу. Даже не видел ее, а она меня чуть не убила. Все уже спят давно сородичи твои, осень на дворе, шальная, а ты все не угомонишься!

Папа прощупывал палкой землю поблизости, только делать это надо было раньше. Ни слова не говоря, Кев двинулся вперед. Он благодарил эту несчастную гадюку, которая, пусть и ненадолго, но отвлекла на себя внимание. За кустами Мэтт ждал их у огня. Что было хуже — оставаться наедине с папой или быть рядом с ними обоими — решить не получалось. Зато Кев знал, что был еще третий вариант, самый отвратный: наслаждаться обществом Мэтта, когда вокруг ни единой живой души.

Сидя на бревне, брат выковыривал кончиком ножа застрявшую в зубных щелях мякоть апельсина.

— Жаловался? — спросил он сразу. — По роже твоей вижу, что жаловался.

Папа тоже вывалился на поляну.

— Нет, ну ты видал? — обратился он к Мэтту, будто тот и впрямь мог что-то видеть. — Чуть змея не укусила! Цапнула в сапог.

— Реально? Тварь! Успел башку раздавить?

— Какой там! Им раздавишь. Сейчас бы все! Во. И нет у вас папки. О чем я вам и талдычу. Помиритесь живо! Ругаться нам нельзя.

Мэтт оскалился, пережевывая оранжевую корку. Нож вертелся у него в руке как живой, а у Кевина в желудке бултыхалось отвращение.

Квартира Вила, понедельник, 08:09

Клиффрок сбросил сентябрьскую дремоту, приглушив звенящую поступь осени. Утром, впервые за долгое время, тучи, бродившие над городом, исчезли, но солнце все равно уже почти не грело.

Стоя у открытого кухонного окна, Вил отхлебнул кофе из чашки. Чтобы поставить ее на столешницу, нужно было потеснить гору мусора, которая уже начинала заявлять свои права на подоконник. Вил давно собирался с ней расквитаться.

ся, но все никак не мог подобрать момент, а сейчас ему было не до нее тем более. До начала уроков оставалось меньше часа.

В спальне он наспех затолкал в портфель нужные бумаги, надел отглаженный пиджак и встал в прихожей перед зеркалом, чтобы еще раз убедиться, что выглядел нормально. Отражение улыбнулось ему хищным оскалом.

«Мягче, мягче, — попросил Вил, но оно, издеваясь, ощерилось даже грубее. — Да что с тобой?!»

Он поправил волосы, спрыснул себя одеколоном и вышел из квартиры, до боли сжимая в кулаке связку ключей. В кармане брюк почти тут же раздражающе зазвонил телефон.

«Иди на хрен, Фрэнк. Просто иди на хрен».

Темно-зеленая тойота верно ждала его появления на парковочном месте. Он дернул дверь, ведущую на водительское сидение, — не открылась. Дернул еще, сильнее.

«Открывайся, ты, твою-то мать!»

Вил рванул ручку так, что та едва не осталась у него в ладони. Машина соизволила поддаться, очнувшись, как старая заспанная собака. Уже чувствуя многогранный привкус наступающего дня, Вил с размаху швырнул портфель внутрь и чуть не выбил стекло со стороны пассажира.

В салоне было прохладно. Окно слева поднималось до конца через раз, и за ночь машина промерзала до самого металлического сердца. Может, поэтому и показывала характер — обиделась. Ничего, с появлением лишних денег он

и стекло починит, и обогреватель исправит. Раз он недавно стал свободным человеком, возможностей у него теперь будет больше.

Кстати, об этом. Вил достал телефон и увидел лицо Мел, улыбавшееся ему с фотографии, привязанной к контакту. Звонил не Фрэнк. Но еще неизвестно, что было хуже.

— Привет, — сказала Мелани неуверенно, явно ожидая, что он первый начнет разговор. — Вил? Ты здесь?

— Да, — ответил он сухо.

Пальцы свело от того, как сильно они вцепились в трубку.

— Нам нужно поговорить.

Вил ожидал продолжения, но Мел молчала, позволяя ему слушать помехи на телефонной линии. Не заводя мотор, он тупо смотрел на руль, обитый потрескавшейся кожей.

Все, кроме ее голоса, вдруг отлетело куда-то, стало безразлично. Тоска тисками сдавила грудь. Он скучал. И она скучала тоже, Вил знал. И знал, что она позвонит. Он знал ее всю, наизусть. Конечно, она вернется к нему.

Он так долго к этому стремился, а сейчас, когда Мел позвонила, ему хотелось лишь уколоть ее в ответ. Обвинения противной старухи все свербели в мозгу.

— О чем? Зачем ты звонишь, Мел? Я не очень интересовал тебя все эти месяцы, пока носился за тобой по городу.

— Ты ударил меня! — вспыхнула она как зажженная спичка. Будто бы ждала повода, чтобы завестись. — Чего ты ожидал? Что я и это проглочу, как данное?

Вил держал наготове грубое, похабное замечание, касательно ее навыков в этом деле, но в последний момент спрятав его за пазуху:

— Я не бил тебя. Оттолкнул — да, а ты оступилась и упала. Я извинился, так что не морочь голову.

Мел охнула.

— По-твоему, можно загладить такое извинениями? Ну ладно, тут ты хотя бы додумался прощения попросить, а остальное?! Как ты только мог?! С какой-то девкой! Мне!.. У меня от одной мысли сердце сжимается... — Голос ее оборвался на тихом всхлипе. Совесть укусила Вила, выворачивая кожу. Все, успокоенное алкоголем и самовнушением, всколыхнулось из недр души, чтобы расплескаться вновь. — А потом ты смеешь приходить в мой дом! Так вести себя с моей матерью, с моим другом! Что за концерт ты устроил в пабе?! Позорище! У всех на глазах! Зачем ты все ходишь и ходишь ко мне? Перестань приходить! Дай мне вздохнуть! Дай, наконец, отдохнуть от тебя!

— Успокойся, — сказал Вил, сдерживаясь. — Больше не приду.

Она отключилась мгновенно, а он остался наедине со своим гневом. Да, он был виноват, не отрицал, но неужели это было так смертельно, чтобы не простить? Он рвал задницу ради ее комфорта, шел на все, работал в двух местах. На что он подписался, чтобы купить квартиру?! Дурацкое, никому ненужное кольцо, которое теперь хранилось в ящике с одеж-

дой, камнем повисло у него на шее. Разве все его заслуги не перевешивали на весах один проступок? Хорошо, пусть один с половиной...

«Все равно вернешься».

Он дал себе слабинку и почему-то вспомнил мать:

«Ты, поганец, ничего не получишь! Будь ты проклят, если уедешь! Никакой жизни тебе, подонку, ублюдку чертову!»

Школьный двор, 08:33

Агата уже несколько раз отметила на себе заинтересованный взгляд Алека. Она пробовала от него уклониться, но тот перешел в прямую атаку и буравил ее глазами, не отрываясь. Хотел поговорить, и Агата догадывалась, о чем. На счастье, вот-вот должен был начаться первый урок.

Зря она пришла сюда сегодня. Раньше они с Пэйдж любили зависнуть за школой перед занятиями, выкурить парочку сигарет, поболтать и пофлиртовать с приятелями. Курить-то ее тоже Пэйдж научила, хотя кому-кому, а ей этого точно делать не стоило.

Все хохотали и подкалывали друг друга, обсуждали учителей и смотрели по сторонам, чтобы их не заметили. Ничего нового. Кроме одного — Пэйдж уже давно здесь не появлялась. Точно прочитав ее мысли, Алек заговорил за секунду до того, как Агата окончательно решила уйти.

— Что-то твоя подружка к нам больше не ходит, Кэрри-

ган. Совсем позабыла старых друзей.

— Ей сейчас не до этого.

Алек так изменился... Он назвал ее по фамилии! Как знакомую, как Пэйдж, с которой они разругались. Как будто они не дружили, как будто они ничего друг о друге не знали. На летних каникулах два года назад он через день ночевал в доме ее семьи, и мама готовила ему на завтрак яичницу в тостовом хлебе, как он любил, а теперь это «Кэрриган»!

Стоявший перед ней парень почти ничем не напоминал прежнего себя, а Агата, к сожалению, помнила его слишком отчетливо. Всегда причесанный, мило улыбавшийся ее родителям, умевший вовремя разрядить обстановку шуткой... Теперь Алек большую часть времени выглядел как обшарпанный, недоделанный рокер: ходил в кожаной куртке, пряча глаза за спадающими на лоб темными прядями волос, в левом ухе он пробил уже восемь дырок и в каждой из них красовался пирсинг. Язык он тоже пробил. И бровь. Над бровью красовалась паучья татуировка, над которой Пэйдж втихара посмеивалась, но ничего подобного заявить ему прямо в лицо не решалась.

— И не до тебя, да? — упорствовал он, облизывая тонкое серебряное колечко в нижней губе. — Я думал, вы подруги, а получается, она та еще тварь. Кинула тебя одну и теперь везде таскает эту карлицу. Сколько же вы с ней дружили? У меня пальцев хватит?

— Чего ты хочешь, Алек?

— Да я просто! Так. Интересно мне. Любопытство берет, что же случилось? Эта клопиха с ней знакома сколько? Месяц хоть прошел? В чем дело? Что Пэйдж в нее так вцепилась? Тебя вот бросила...

Отсюда открывался вид на парковку за школой. Автобус уже пришел, но те, кто на нем не ездил, все еще бежали в сторону здания, покинув велосипеды и родительские машины. Ветер, закрывая обзор, швырял в лицо Агаты накрученные локоны. Она искала слова, чтобы отшить Алека, но подходящих не находила. На въезде мотоцикл Мартина рычал заведенным мотором, и Агата поспешила отвернуться.

— Никто меня не бросал. Я же не вещь, чтобы меня бросать.

— А вид такой, словно бросили. Переживаешь из-за нее, Кэрриган? Я же вижу, что да. Зря. Твоя подружка — та еще мерзавка, думает только о себе.

В преддверии утренней регистрации перед уроками ученики стали собираться и быстро рассыпались по лужайке. Алек не шелохнулся, Агата тоже, пусть и думала мгновение назад, что должна идти. Она расстегнула куртку, чтобы было не так трудно дышать.

— У нее горе, а ты ее прессуешь.

— Го-оре! — передразнил Алек. — А у нас тут у всех жизнь — песня! Ты себя слышишь? Из-за этой твари моя мать в тюрьме!

— Алек, твоя мать в тюрьме, потому что обворовывала

школу. Все давным-давно в курсе были. Пэйдж просто...

Он плюнул в Агату сигаретой, но промахнулся.

— Ты что делаешь?! — вспыхнула она.

— Посмотрим, как ваша новая директриса не будет воровать! — сказал он. — Я сразу ее сдам, как только услышу. А ты — предательница херова! Ну, пусть она и дальше об тебя ноги вытирает и крутит хвостом перед Гилмором. — Агата втянула голову в плечи. — Что, еще не дошло? Он ей нахрен не сдался, но она скореей удавится, чем тебе уступит. А ты возись с ней дальше, вытирай сопли! Еще и на день рождения же ее позвала, а?

— Да, — созналась она.

— Ха! Прекрасно! Тогда я точно приду.

Агата удобнее перехватила сумку, не желая больше слушать его укоры, и пошла в сторону главного корпуса, зная, что Алек тащился следом. Уже у крыльца она различила позади топот бегущих ног. Рыжая копна волос мелькнула перед ней живым пламенем. Пэйдж проскочила вперед, взлетела по лестнице, дернула дверь, но не вошла. Вместо этого она обернулась и закричала:

— Ви! Быстрее! Что ты там тащишься?!

Агата замерла в ожидании. Хотела еще раз увидеть, на кого ее променяла подруга детства. Ви мчалась следом, на ходу закидывая рюкзак на плечи. Ничего особенного в ней не было. Девчонка как девчонка, только почему-то неприятная. Шло от нее что-то такое, гаденькое... Агата не могла понять

до конца.

— Привет, — поздоровалась Пэйдж, и Агата вдруг осознала, что та обращалась к ней. — Агата! — позвала она снова. — Говорю, привет. Ты идешь?

— Да, — сказала она, но с места не сдвинулась. — Чуть позже.

Алек был где-то сзади, так что Пэйдж наверняка его видела, но слепоту изображала очень талантливо.

— Ты не отвечаешь на мои сообщения. Сделала? Придет? Слабый кивок. Пэйдж с облегчением улыбнулась:

— Спасибо, — а потом зашла внутрь.

Алек был прав в чем-то. Никто ей был не нужен, через всех она переступала. И Мартин... она отняла и его, хотя знала про ее чувства. О, ну, конечно, начни он с кем-то встречаться, она бы этого не пережила. Ей надо было держать его на поводке.

— Такая ты терпила, — издевательски засмеялся Алек, подойдя ближе. — Аж противно становится. Не говори, что я тоже приду, пусть будет сюрприз.

Она смотрела, как он поднимался по ступеням, и до боли стискивала кулаки. Надо было сказать. Он не заслужил, Пэйдж сама виновата, что полезла к нему. Пусть теперь расхлебывает.

— Алек! Стой!

— Что еще?

— Скажу кое-что.

В жизни случайностей не бывает — вот, к чему Агата пришла в итоге. Карен пропала не просто так. Пэйдж получила это наказание по заслугам.

Школа, 11:02

В стенах школы настроение не улучшилось. Вил прокручивал в голове разговор с Мел туда-сюда, как на заевшей касете, то и дело вспоминая обрывки записки, оставленной ему на тумбочке последней подачкой перед уходом.

Прозвенел очередной звонок. Вил ускорился, на ходу сделав новый глоток из пластикового стаканчика. Кофе был гадкий, даже хуже, чем растворимая дрянь дома, и нисколько не помогал взбодриться.

Ученики засуетились, спеша в сторону лестниц. Вил терпеливо дождался, пока пройдут дети, чтобы не толкаться и ненароком не заплескать чистую рубашку. Потом он подождал еще немного, придержав дверь для старшеклассниц, стрелявших в него глазами.

— Спасибо, — сказала одна из них, улыбнувшись слишком заманчиво. Она тут же нырнула в дверной проем, стараясь поспеть за подружками.

Вил вошел следом и, стоя на нижних ступеньках, умолял себя не заглядывать ей под юбку, но краем глаза все-таки видел, что та была подтянута выше, чем требовал устав по ношению школьной формы. Две упругие ягодицы, дразня,

выглядывали из-под ткани.

Пальцы вдруг обожгло.

— Scheisse! — прошипел он от боли и едва успел отодвинуть чашку на расстояние вытянутой руки, чтобы кофе не попал на ботинки.

Кто-то боднул его в спину. Вил метнул взгляд вверх, чтобы узнать, кого благодарить за ожог и сделать нерадивому ученику замечание.

Первое, что он увидел, — синие перья волос, разбросанные по плечам. Юркая девчонка, на ходу закручивая волосы в пучок, проскочила один пролет, нацелившись на дверь второго этажа. Вил, позеленевший от злости, напрягал память изо всех сил.

«Да как же тебя звали? Биби?»

— Эй! — окликнул он, хватаясь за перила.

Она глянула на него безучастно, сверху вниз, как будто между делом, и даже не притормозила.

«Не понял, — Вил поднялся на пару ступенек. — Слышала же. Или нет?..»

Незаслуженно обиженный он в недоумении задержался между этажами, забыв, куда шел, и что ему тоже следовало бы поторапливаться.

Скрипнули дверные петли. В проеме первого этажа стоял старший сын Фрэнка. Кто-кто, а он точно появился здесь не случайно. Должно быть, следил за ним. Когда они пересекались, у него всегда было такое лицо, словно ему толь-

ко что врезали по хребту лопатой. Или хоккейной клюшкой, что ему там привычнее? Или словно... он знал.

— Отец тебя дожидается, — сказал Мэтт, цыкнув языком.

— Последний раз просит. Приходи. За тобой долг.

Вил скривился тоже.

— Приду. Не говори со мной в школе. Я тут просто учитель.

— Учитель. Ну-ну. Отец хочет знать: когда?

— Heute. Никаких долгов за мной нет, так и скажи ему. Я свой долг уже отработал.

Мэтт отвернулся.

— Сам скажешь.

Школьный двор, 13:10

Дождь, стучавший ночью по стеклам, не дал нормально поспать, и Пэйдж лежала, уставившись в потолок, слушая, как мать слонялась по дому. Ближе к утру стало тихо, но сон все не шел, поэтому встать пришлось до рассвета. Пэйдж помыла посуду и сварила кашу, в надежде, что мама тоже поест, когда проснется. Еще до уроков позвонил папа и в перерыве между вопросами о школе, количестве продуктов в холодильнике и самочувствии, пришлось просить его вернуться домой. Он вроде бы согласился. Ну или сделал вид.

В отличие от настроения погода разгулялась, а к большой перемене стало даже тепло. Такой день, пожалуй, был одним

из последних в этом году, поэтому солнце перечеркнуло их планы провести обед в столовой. На скамейке во дворе отдыхалось гораздо приятнее.

— А-ах! — Пэйдж вдохнула полной грудью. — Пахнет осенью.

Ви была занята лишь батончиком, зажатым в кулаке. У кого-то самая большая забота — это шоколадка. Даже забавно, какая несправедливость.

— Смотри! — Из школы вышел Фойербах. — Тот немец!

Ви хмыкнула безразлично, почти не отрываясь от сникерса, и снова отлетела куда-то в свои мысли, но Пэйдж уже настроилась на разговор.

— Они с твоим братом знакомы?

— С кузеном. Откуда знаешь?

— Видела их вместе. — Это была правда — она как-то заметила их на парковке у школы, когда брат Ви забирал ее после занятий. — Он вроде ничего, да? Немец?

Ви пожала плечами.

«Были бы у него деньги, я бы с ним замутила. Такого неаккуратного легко развести, а репутация и свобода стоят дорого».

— Был бы еще богатый...

— Ему бы тогда работа в школе не сдалась. Судя по машине — денег у него ровно на новые штаны.

Точно, машина и правда выглядела люто. Что ж, жаль. В ином случае Пэйдж нашла бы способ выжать из него выгоду.

— Облом! Ладно, пусть живет. Без меня.

— Он же старый.

— Старый! Наоборот, у большинства мужчин с возрастом только мозги появляются. Вон, — она кивнула в сторону парней, возившихся на площадке с мячом, — что с этих взять? Кроме хорошенькой мордашки. И то не всегда. С такими только повеселиться и хватит. Что? Как они с нами, так и мы с ними. А у тебя парень есть? — Надежда услышать положительный ответ была слишком эфемерной, чтобы в нее поверить, но убедиться стоило.

Ви воздержалась от очередного укуса. Темные брови напряглись у переносицы, а зелена глаз отражала солнечный свет. Пэйдж недовольно поджала губы. Она все же ничего, казалась симпатичной, когда не строила отталкивающую мину. У Агаты шансов с Мартином не было никаких, а эта могла бы ему и понравиться... Скромная, правильная, тихая. Разве не такой он хотел бы видеть саму Пэйдж? Стыдно. Это последнее, о чем ей стоило бы теперь волноваться.

— Нет.

— Ого! — Она изобразила удивление. — И не было никогда?

Лицо Ви выцветало как старая бумага.

«Ясно, еще и недотрога. Полный набор».

— Подожди, наладятся дела, я тебя с кем-нибудь познакомлю. Устроим тебе личную жизнь. У нас тут не все такие отбитые, как Кадманн, правда, есть и хорошие. А еще у ме-

ня друзья из других школ есть, спортсмены. Тебе нравятся спортсмены?

— Не знаю.

— Не ври, кому они не нравятся? А твой брат, он же тоже наверняка занимается чем-то? Выглядит круто, такой очаровашка!

— Кузен. Не влюбись. — Ви подхватила ее шутливый тон.

— Не обещаю. Он на рок-звезду похож. Длинноволосый и с бородкой, мечта!

Становилось по-настоящему жарко. Пэйдж развязала узел накинутаой поверх плеч желтой толстовки и повесила ее на металлический подлокотник.

— И вы правда вдвоем живете? Да я бы, если бы мы с...

— Имя сестры иглой встало в горле. — Где ваши родки?

Банальная вежливость и чуть-чуть театрального мастерства, чтобы показать живой интерес.

— Мои родители в другой стране. За нами дед присматривает, только он вечно в разъездах. Много работает.

— О, а в какой стране?

Ви говорила, что англичанка, просто с детства жила за пределами Англии, но почему переехала и где именно жила раньше — ни слова.

— В Болгарии, — сказала она, с усердием выговаривая буквы, и акцент в ее голосе прорезался сильнее. Он звучал забавно, Ви слегка рычала.

— Круто! Там теплее, чем у нас? Где тебе больше нравит-

ся?

Ви пожала плечами и продолжила тихо клацать зубами, отдирая прилипшие к деснам орехи. Пэйдж ожидала иного. Для девочки, с которой они общались от силы месяц, Ви знала уже чересчур много ее секретов, а вот в свои не пускала и это было как-то нечестно. Она как будто все время пряталась за стеной, в которую Пэйдж постучала однажды и с тех пор ждала ответа. Может, и не стоило пытаться ее растормошить. Им обоим достаточно было поверхностного общения, без сближения.

С некоторых пор окружение Пэйдж делилось на тех, кто открыто жалел ее, и тех, кто втайне злорадствовал, и она до сих пор не решила, что из этого хуже. Тогда она заметила Ви. Семьдесят процентов учеников из параллели перешли в старшие классы из средних внутри школы, новенькие из других учебных заведений тоже считались почти своими. Такова участь небольших городков — в какую бы часть ты не переехал, тебя везде встречали знакомые лица. А вот Ви никто раньше не видел.

Сама Пэйдж даже не помнила, появилась ли Ви в первый день учебы или после. Время стало липким болотом, в котором она торчала, не двигаясь. Безмолвную, но упрекающую ревность Агаты выносить поверх прочего уже не было сил, а Мартин не мог постоянно быть рядом. Поэтому она и выбрала Ви: просто чтобы кто-то составлял ей компанию. Она не знала Карен, не знала саму Пэйдж прежде, для нее слу-

чившееся не значило ничего. И хорошо. Но иногда хотелось поговорить, не вытягивая из собеседника слова. Для этого новая подружка оказалась непригодна.

И тем не менее сейчас ей нужно было с кем-то посоветоваться. Кандидатура Мартина отметалась сразу, с Агатой она поговорила и так, только их отношения дошли уже до того, что теперь ее лучшая подруга больше переживала за Алека. А Ви заступилась за нее тогда... Да еще и как! Не подошла и сказала “отстань”, а приложила ему к глотке лезвие. Возможно, она бы ее не осудила.

Пэйдж осмотрелась мельком. Вокруг суеилось столько народу, что шепот казался бесполезным: фоновый шум обеспечивал им безопасность. Пальцы нервно барабанили по коленке. Пора было начинать заворачивать, чтобы войти в нужный вираж разговора.

— Хочешь пойти на день рождения Агаты? — Конечно, она откажется. Никаких сомнений. Ви почти сразу отрицательно замотала головой. — Я... если я доверю тебе секрет, обещаешь никому не говорить? Даже Мартину.

Взгляд Ви стал напряженным.

— Какой?

— Я попросила друзей из другой школы прийти на день рождения Агаты. Хочу, чтобы Алеку яйца отбили. Если найдут, что отбивать.

Теперь в глазах напротив читался уже не затаенный испуг. Пэйдж заерзала.

— Ты с ума сошла? Надо настоять, чтобы школа довела это дело до полиции, а не отправляла Алека на какие-то бес-толковые воспитательные беседы.

— Я хочу, чтобы его унизили так же, как он унизил меня.

— И Мартина там не будет, так?

Форменный бант на горле начинал душить. Почему все задавали вопросы про Мартина? Она вполне могла принимать решения и без него.

— Ему вообще не нужно знать. Агата наврет что-нибудь, он не придет.

— А если они тоже не придут? Твои друзья? Кто тебя при-кроет?

Пэйдж замолчала, перебирая в голове примерный список приглашенных. Том? Наверное, если бы дело дошло до стычки, он бы вступился. «Наверное», но не сто процентов, все-таки они с Алеком тоже приятели и до сих пор были в хороших отношениях. Получалось, только Мартин и встал бы на ее сторону, что бы ни случилось. Эта мысль согревала. Но думать об этом стоило при самом худшем раскладе — если бы парни действительно не пришли, а Алек узнал о том, что она готовила. Агата пока не настолько сошла с ума, чтобы ему сообщить.

— Нельзя этого делать! — настаивала Ви. — Быть там одной, без защиты, с ним! Мало ли, что пойдет не так! Вдруг он напьется? Ты сильнее него или что?

— Он ко мне не притронется. Будет слишком много на-

роду.

Но Ви как будто ее не слышала. Ничего себе, разошлась!

— Не вздумай! Ты говорила, Алек ни на что не способен... Я сомневаюсь. Не провоцируй его на что-нибудь похуже. Школа должна дать ход делу, а не оставлять его поступок безнаказанным.

— Вот именно. Око за око!

— Школа, не ты! Сама не лезь. Ты подумала о последствиях? Для тебя, для твоих друзей? Если все получится? Алек сможет сам заявить на тебя в полицию. Вам нужны такие проблемы? Если не получится, ты подставишься снова и разозлишь его еще больше. Остановись, пока не начали искать по лесам тебя.

Мимолетный шок схлынул и до Пэйдж дошло, что Ви имела в виду. «Пока не начали искать по лесам тебя». Как Карен. Пэйдж вскочила, не разбирая, что делала. Зазубренный деревянный край скамьи укусил ее за колготки.

— Понятно. Спасибо, что поддержала. Не смей опять жаловаться Мартину, окей?

Ви осталась невозмутимой и разглядывала ее, склонив голову к плечу, нисколько не изменившись в лице:

— Куда ты? — спросила она. — Пэйдж!

— Тебе какая разница?!

«Что б ты понимала! Нашла, с кем советоваться! Мнение спрашивать? У тебя из проблем наверняка только развод родителей! Скинули тебя на старика и брата, да, а ты теперь

кривишься? Несчастливая какая! Ты не знаешь, каково это, потерять сестру... а какой-то урод решает добить, будто тебе мало. Когда маме рассказывают, что мои фотки увидела вся школа! Их сохранили и рассылают теперь по чатам, хоть это и запретили. Что решит полиция? Мне это не даст ничего. Я хочу посмотреть, как он помучается. И попросит прощения».

— Пэйдж! Ты забыла толстовку!

«Плевать мне на нее! И на тебя — тоже!»

Она пошла по тропинке, ведущей за ограждение. Солнце пекло затылок, и гнев жег легкие. Туфли со сбитыми мысками шагали без воли хозяйки. Пэйдж не видела, куда направлялась, передвигалась по наитию, то и дело зажимая ноздри, чтобы стирать выступавшую влагу.

Ей почему-то казалось, что Ви могла бы ее понять. Хотела совет — ей его дали, но... она ждала совет, который ей бы понравился. Теперь ее скорее всего записали в истерички. Зря она вспылила, начала кричать.

— Бип-би-ип! — раздалось позади. Пэйдж прибавила шаг. Быстрее. Еще быстрее. Бежать?.. — Би-и-ип!

Что, опять?! Нет, в этот раз она бежать не станет! И позовет на помощь.

Она старалась увидеть машину Мэтта сквозь обжигавшую пелену слез, но разглядела старую развалюху с приоткрытым окном, с водительского сидения которой улыбался немец. Впрочем, его глуповатая улыбочка тут же потухла. Он под-

нял солнечные очки.

— Солнышко, ну и видок! Кто тебя обидел? — спросил он, одной рукой придерживая руль, а другой затягиваясь сигаретным дымом. — Садись, расскажешь, что случилось?

— А сигарету дашь?

Он засмеялся, снова показывая зубы.

— Ты бы это бросила, пока не поздно. Родители не знают?

— Моим родителям не до меня. Так дашь или нет?

— Садись. — Стекло поехало вверх.

Пэйдж обошла автомобиль спереди и села рядом с Вильгельмом. Кресло было продавленное и скрипучее, но в салоне хорошо пахло лесным освежителем.

— Куда везти? — Он достал из бардачка пачку, чтобы протянуть ей.

Засунув в рот сигарету, Пэйдж подожгла кончик и тут же закашляла: такие крепкие она еще не пробовала.

— Гадость какая! Тьфу! В автомастерскую на соседней улице, я покажу.

Как легко ее посадил, сам предложил, даже не задумался, а ведь она ученица! Казалось, Пэйдж недооценила масштабы его «неаккуратности». Или его безрассудство стоило назвать смелостью? Если бы до администрации школы дошло, что он подвозил кого-то из детей на своей машине, у него появились бы большие проблемы.

— Тебя потом не уволят?

— А ты собираешься кому-то рассказать? — За плотными

стеклами очков его глаза совсем не было видно.

— Нет, — сказала она уже как-то неуверенно, чувствуя, что ее словно проверяли. Он не сделал ей замечание, хотя она ни разу не назвала его «сэр», как требовалось. — Но кто-то может увидеть.

— Когда увидят, тогда и буду волноваться. Почему плакала-то? На подружку обиделась?

— Да нет... просто все навалилось. Отстойно себя чувствую.

— Понимаю. Слышал про твою сестру. И про остальное. Тяжелый период, да?

Пэйдж улыбнулась натянуто и отвернулась к окну. Опустив стекло, она подставила лицо ласковым порывам ветра, слизывавшим с щек слезы.

— Спасибо, что тогда помог. Не помню, благодарила или нет. Ты мне жизнь спас, получается?

— Как раз так и получается. Поэтому в следующий раз не скачи, побереги ее еще немного. Ты теперь моя должница.

— Надеюсь, натурой тоже берешь? — подыграла она.

— Надеешься?

Пэйдж одернула себя слишком поздно. Чуток перебрала, хватанула через край. Ну, уже ничего не поделаешь.

— Просто шучу. Не знаю, чем я могу быть сейчас полезна. Хочешь, попрошу помочь с машиной? У меня как раз друзья в автосервисе работают, скидку сделают. Сойдет такая оплата?

— Как-нибудь в другой раз. У меня тоже был паршивый день.

Пэйдж кивнула. Музыка из проигрывателя звучала незнакомо. Что-то древнее. Ви и тут оказалась права: он и впрямь тот еще старпер.

Автомастерская, 14:24

Тяжелая дверь не поддавалась с первого раза. Внутри ангара всегда было шумно и людно. Сервис принадлежал отцу Агаты — близкому другу четы Гилморов, поэтому Мартин мог приходить сюда в любое время, а после того, как получил права на мотоцикл, совсем здесь поселился. К большому огорчению своей мамы, которой больше понравилось бы, если бы он усерднее готовился к экзаменам, а не вкручивал гайки, весь перепачканный в масле и солярке.

— Пэйдж!

Ее тоже пускали без пропуска. Раньше она бывала тут чаще, болталась без особого дела, подавала Мартину инструменты, а ближе к вечеру шла на подработку. Потом жизнь перевернулась вверх тормашками.

— Пэйдж! — Она отозвалась на оклик и постаралась смахнуть с лица грусть. — Тебя не дозовешься. Мартина ищешь?

Где-то поблизости с короткими перерывами выла циркулярная пила. Неудивительно, что другие звуки растворялись

в пространстве.

Том улыбнулся осторожно, но искренне. Ему уже исполнилось двадцать с чем-то, Пэйдж не могла вспомнить точно, однако он все еще выглядел как школьник — худой, неопрятный, с длинными волосами до плеч, которые убирались в хвост на время работы. Он, старший брат Агаты и Бриджит, какое-то непродолжительное время даже был частью их некогда дружной компании, пока не уехал пожить к родственникам. Затем поступил в университет. Теперь они виделись не так уж и часто, в основном именно в мастерской, где он помогал отцу. Сегодня что-то в нем казалось непривычным.

— Ты что, покрасился? — спросила Пэйдж, перекрикивая шум.

Он замешкался. Затем, наклонившись к ее уху, сказал:

— Да. Не очень вышло.

— А мне нравится.

Он взял ее под руку и повел в более тихий угол.

— Как у тебя дела? Ну, после всего... Ты стала реже заходить. Есть новости о Карен? Я спрашивал девчонок, но они...

Слова поплыли мимо. Почему люди вокруг не могли оставить Карен в покое? Не тревожить ее, не дергать. На рабочей футболке у Тома темнели свежие пятна, Пэйдж стала разглядывать их, чтобы не смотреть ему в глаза.

— Нет, — перебила она, отвечая на все вопросы сразу, и

не знала, что еще добавить.

— Мне очень жаль.

Опять. «Очень жаль». Теперь, как и многие, будет смотреть на нее до конца этим противным сострадательным взглядом, как будто это она должна была успокоить его и уверить в том, что с ней все в порядке, унять чужое волнение. Ничего страшного, она держится, все хорошо.

Нет, все плохо, плохо! Только никто не хотел этого слышать. Да и не понял бы. Даже Том, несмотря на все свое сочувствие. На семнадцатый день рождения ему подарили машину, а к выпуску из школы отец купил ему квартиру, чтобы не пришлось мучаться в общежитии. Живший лучше многих, что он мог знать о нехватке денег и тем более о пустоте, о безвыходности, о потере? Чем Пэйдж могла с ним поделиться? Ничем.

— Алек... — Он цыкнул с осуждением. — Он не должен был. Хочешь, поговорю с ним?

У нее зашевелились волосы.

— Тебе Агата сказала? Больше ничего не говорила?

— Что ты ему темную готовишь?

Дура! Какая же дура! О чем она думала, доверяя секрет этой идиотке?! Она же совсем не умела держать язык за зубами и продолжала позорить ее уже за пределами школы! Пэйдж нервно ухмыльнулась, подбирая правильное объяснение.

— Ты ведь Мартину не рассказал? — У нее вспыхнули

щеки. — Том? Не говори, что сказал...

Он прищурился точно от боли.

— Прости.

Тяжелая рука легла на плечо прежде, чем Пэйдж успела что-либо придумать. Мартин грозно сопел в ухо. Она повернула голову, уже разобрав его настрой. Придется разыгрывать невинность.

— Ты освободился?

— Ага. Можем идти. Проводим Жука до дома?

За его спиной стоял мальчик, на лице которого по-прежнему расплывались сине-желтые синяки. Один его вид напоминал о сестре. Обо всем.

— Что, ты тоже увлекся машинами?

Кевин отмахнулся от вопроса:

— Время убиваю, чтобы дома не быть.

— Тебе работать разве уже можно?

— Можно. — Том ободряюще улыбнулся им обоим. — Он просто моет машины. Два часа в день. Довольна, госпожа прокурор? Мы не нарушаем законы.

— Ладно, живите. Увидимся на вечеринке, Том!

— Извини, Пэйдж.

— Ничего.

На свежем воздухе полегчало. Кевин, видимо, предугадывая праведный гнев, который вот-вот должен был обрушиться ей на голову, быстренько улизнул вперед. Мартин молчал. Жук впереди не издал ни звука. Она гипнотизировала ма-

кушку мальчишки, пытаюсь мысленно передать сигнал sos, но тот ему не внимал.

— Хорошо, — наконец, сдалась она. — Хватит уже. Давай, говори.

— А что сказать? — отрезал Мартин и стал упорно догонять предводителя их колонны. — Сама все знаешь. Если не позвонишь Джеку и не отменишь, это сделаю я.

Пэйдж возмутилась:

— Еще чего! Я скажу, чтобы он тебя не слушал.

— Надо же быть такой... — он оборвал приговор и замер на месте. Пэйдж споткнулась на ровной поверхности асфальта. — Я сам с Кадманном разберусь, если нужно.

— Нет, ты не полезешь.

— Нет, полезу. Тогда я пойду с тобой.

Дом семьи Драммонд, 18:47

Вил пришел к Фрэнку с твердым намерением сделать их встречу последней. К сожалению, дальше оттягивать было некуда. Если уж Мэтт начал передавать просьбы отца, хорошего ждать не приходилось.

— Опа! — встретил его в дверях один из парней Драммонда. — Ну ты и гнида! — Он подал руку в знак приветствия. — Даже не попрощался.

— Чего прощаться, раз я снова пришел?

— А ты думал, как? Возьмут тебя и отпустят, раз ты дру-

жок Рей? Теперь, чтоб уйти, лапу грызи.

— Спасибо, что подбадриваешь.

Через прихожую он сразу попал в гостиную. От трескучих дров за металлическим ободком камина поднимались искры. Вил не был здесь несколько месяцев, а время в комнате как будто застыло, даже кружка на уголке кофейного столика стояла так же. Стены, выкрашенные в темно-зеленый, сразу стали сжиматься. На самом видном месте висела здоровенная голова лося, который сканировал всех входящих мертвыми черными глазами. Когда Фрэнк нажирался, разговаривал с ним, и Вил бы не удивился, если б это чучело реально ему отвечало.

С кухни отчетливо доносился запах жареного мяса. Кевин, склонившийся над детским стулом для кормления, утирал с лица малышки остатки пюре.

— Здравсьте, — сказал он, увидев Вила.

— Здорово! Кто это тебя так разукрасил?

— А... подрался. Зажило почти.

— В школе? Если чего, говори, я этих пидарасов...

— Да не. — Он наконец-то улыбнулся или хотя бы сделал попытку. — Не надо.

— Рейко не дома, да?

— Недавно уехала. Что-то ей передать? Спрашивала про вас.

Маленькая копия Рей улыбнулась ему, прикрывая щеки ладошками. Наклонившись, Вил взял ее на руки и стал ак-

куратно подкидывать в воздух. Холли залилась чистейшим довольным смехом.

— Думал, ты уже меня забыла.

Хохот приглушил первый стон ступеней, изводившихся под грузом идущего вниз человека. У Вила свело челюсть. Он поймал девочку в последний раз и прижал к себе, а она повисла на нем как мартышка.

Что он должен был сказать? Оправдываться? Просить?

Старший Драммонд все еще пытался молодиться, чтобы не выглядеть рядом с женой обрюзгшим стариком. Спорт и охота сделали свое дело, фигуру он подтянул, но пристрастие к алкоголю все равно оставляло на нем отпечаток. Лицо у него было вечно расплывчатое, с неровным цветом кожи, поэтому большую его часть Фрэнк прятал за густой бородой.

— Кого я вижу? Пришел, значит.

— Вызывал, вот и пришел, Фрэнк.

— А ты чего хотел, паскуда ты этакая? Не звонишь, не пишешь... Нехорошо это, Вил. Ты тут у нас как родной, спал и жрал, а потом пух! Исчез. Хоть не помер, а то мы уже и такое думали.

Ага, еще таких «родных» ему не хватало. Уже достаточно того, что его настоящая семья — филиал ада. От напряжения прошиб пот. Рубашка на спине под пиджаком липла к телу.

— У меня дела были. А долг я свой отработал. Два года — как договаривались.

— Два года, как договаривались, — согласился Фрэнк. Он

прошел к духовке и наклонился, чтобы посмотреть, приготовился ли ужин. Залысина, скрывавшаяся в волосах у него на макушке, оттянула на себя все внимание. — А еще проценты за мою услугу.

Сильнее бросило в жар. Вил непроизвольно повысил голос.

— Какие еще к чертовой матери проценты?!

Холли, прижавшись теснее, спрятала лицо у него на плече. Наверное потому, что он начал кричать. От нее пахло манкой и теплотой недавно покинутой постели.

— Такие, — спокойно продолжал Фрэнк. — Я оказал тебе услугу. Дал в долг на квартиру не потому, что я добрый или богатый, а потому, что моя жена за тебя попросила. И ты, заметь, сам! Сам! Говорил, что все отработаешь. Расписка твоя имеется.

«Ну и что мне теперь тут, обосраться, что ли?»

— Была договоренность, и я ее исполнил.

— Да, но не до конца. Куда ты так заторопился? Поработаешь еще. Плохо тебе у нас? Раньше-то ты почему не подумал, что квартиру снимать можно? Ты ж захотел сразу свое, по-быстрому, легко. У тебя бы без меня и лет через двадцать ничего своего бы не было.

Фрэнк позволял сыну слушать их разговор, но Вил уже забыл о том, что кто-то еще находился рядом.

— Не спорю, но договаривались мы на два года, а ты меня еще припахать хочешь неизвестно насколько. Не делает-

ся так.

— Ты еще поучи меня, как делать.

Он перебил, чувствуя, что Фрэнк начинал злиться. Ругаться с ним не хотелось. По крайней мере, пока что. Может, Рей придумает, как бы ему по-тихому вывернуться и разойтись с ее мужем на доброй ноте.

— Короче, Фрэнк, я нормальную работу нашел.

— Да уж слышан. Что дальше? Мне тебя с богом отпустить?

— Я уже один раз чуть не сел.

Фрэнк глянул на него озадаченно и упер руки в бока.

— На самом деле? Или все шуточки шутишь? И что ты наворотил?

— Личное дело. Повторять не хочу. Лучше сдохну, чем сяду.

Вил и сам до конца не понимал, чего этим признанием добивался. Не сработало все равно. Он знал, что так будет, но раздражения не сдержал. Хорошо, что у него на руках был ребенок, а то бы еще психанул.

— Да не ссы, мы ж не первый день знакомы, если что, подсоблю, — совсем повеселел Фрэнк. Он нашел на столе прихватку, чтобы вытащить противень с мясом. — Чего там на твоей работе интересного-то? Получишь зарплату, завоешь. Сам прибежишь. Больше не пропадай, по-хорошему уже не буду просить. Рей пожалей, не надо ее расстраивать. Обозлится на меня, если с тобой что случится. Виски налить?

Вилу не хотелось быть тут ни минуты дольше, но не каждый день ему предлагали виски за пятьсот фунтов.

Лес за городом, вторник, 15:32

Было же так легко подойти и спросить, как он себя чувствовал! Бриджит делала это десятки раз прежде, но теперь, снова и снова мысленно репетируя, что скажет, не могла заставить себя приблизиться. Наверное, она вообще не имела права говорить с ним о Карен.

Заяц и Хорек отстали, увлеченные обсуждением компьютерной игры, о которой Бриджит не имела понятия. Жук как будто не хотел идти рядом. Все время спешил, вырывался вперед, разговаривал почти исключительно с мальчиками и был с ними не так груб, как с ней, она это заметила тоже и не понимала, стоило ли на него злиться?

Страхнув трусость, Бри нагнала его не без труда. Жук сделал вид, что не заметил, хотя его лицо сразу стало суровым.

— Как ты? — Она улыбнулась скорее от отчаяния. На шее у Кевина выступила напряженная вена. — Хочешь, поговорим? Тебе же нужно поговорить с кем-нибудь.

Кев уставился на нее возмущенно, словно она ляпнула что-то нелепое. Бриджит вмиг вспыхнула до кончиков ушей, а он пошел еще быстрее, чтобы от нее отвязаться.

Раньше она думала, не будь Карен, он бы обязательно обратил на нее внимание. И ее желание исполнилось — Ка-

рен оставила их вдвоем. Только это не сработало все равно. Не будь они знакомы вовсе, Кев ухаживал бы за кем-то другим. За кем угодно, кроме самой Бриджит. Она просто ему не нравилась. Где-то глубоко внутри себя, Бриджит даже понимала, почему. Кому может понравиться тусклое стекло в витраже рядом с разноцветными осколками?

А ей тоже хотелось быть для кого-то особенной. Очень хотелось.

— Мы копать-то будем сегодня или чего? — заорал вслед уходившему Заяц.

Бри остановилась. Тут же почувствовала легкое прикосновение к плечу и краем глаза увидела какое-то движение. Она даже не поняла, что сделала первым: закричала или подпрыгнула. Огромный жирный червяк лежал возле ее шеи как украшение и соскользнул на землю, когда она дернулась.

Заяц сложился пополам, чуть не хрюкая со смеху, а Бриджит дышала рывками, из последних сил сдерживая слезы.

— Придурок!

— Смари, какой он толстый! Давно таких видела?

— Экземплял ценный, — поддакнул Хорек.

— Просто шаи-хулуд! А ты орешь!

Заяц подцепил упавшую гадость с травы и накрутил на палец.

— Убери его от меня! — завизжала Бри.

Мальчишки, смеясь, еще тыкали в нее этим противным, склизким червяком, а потом убежали вперед — догонять

друга. Чтобы она еще раз пошла с ними! Да никогда! Она и сегодня согласилась только ради Жука. Поиски гадких лягушек ей уже давно надоели. На самом деле, она всегда только изображала, что ей это нравилось так же, как и Карен. Ну а в то, что они найдут клад какой-то, она не верила уже давно.

Бриджит подумывала сбежать, пока никто не видел, но быстро от этой мысли отмахнулась. Еще решат, что заблудилась, начнут искать... Друзья уходили все дальше и уже почти скрылись за деревьями. Она не двигалась с места. Взгляд опустился на лысеющую тропинку, а потом скользнул по кустам.

— Ой! — вырвалось у нее, когда среди листвы показалась бурая шерстка. — Идите сюда! — крикнула она, тут же забыв и о плане побега, и о своей злости.

Заяц и Хорек рванули к ней, громко топая пятками по земле.

— Что? Что такое? — задыхаясь, наперебой спрашивали оба. — Ты нашла что-то?

— Какого-то зверька, — пискнула она, кивнув им в сторону. — Кажется, он ранен.

Ребята осторожно приблизились. Бриджит, переступая на носочках, следовала за ними.

Хорек трусливо раздвинул ветки:

— Это лисица!

Бри заглянула внутрь через его голову. И правда! Это была лиса. Два темных глаза закатились, а изо рта, усеянного

мелкими острыми зубами, сочилась кровь.

— Не трогайте! — заорал Кевин издалека. — Вдруг у нее бешенство!

— Дохлая, — подытожил Заяц. — Она дохлая!

— Они и мертвые заразные. Свалите!

У Зайца с Хорьком слух как будто отключился.

— Точно не дышит?

— Точно. Вон, какие раны на пузе. Кто-то ее загрыз. Она пришла сюда умереть.

Глава 4

Школа, понедельник, 11:01

— Ну, как вам у нас в школе? — поинтересовалась директриса, когда застала Вила в коридоре между уроками. — Освоились?

Если учитывать, что вчера, а точнее, сегодня, он вернулся домой от Драммонда в половине третьего ночи, то ответ напрашивался только один. Как, как? Погано. И ведь убедил же себя, что все, твердил как попугай, что больше туда ни ногой. Хорошо, хоть теперь некому было врать — Мел ушла и никто не спрашивал, где его мотало почти до рассвета.

Вил выжал улыбку, стараясь выглядеть довольным. Впереди ждали еще три урока и их надо было как-то пережить. За несколько прошедших без работы месяцев, он уже отвык от такой бурной деятельности и сейчас чувствовал себя, как разваливающийся робот, который скрипел от каждого движения.

— Вроде все в порядке, — сказал он, пряча в карман руку, на костяшках которой растрескалась кровавая корочка.

«Да уж. Хорош! Учитель!»

Ладно хоть до школы не дошли слухи о скандале в пабе.

— Вам полегче все-таки, чем со старшеклассниками. Ес-

ли что, говорите: если вам что-то нужно или если вдруг помощь понадобится. Мы очень заинтересованы в том, чтобы молодые преподаватели оставались с нами.

— Danke fur deine Sorge.

Это была полная, но очень ухоженная женщина слегка за пятьдесят. По тому, как она засмеялась и парировала ему ответом, Вил сделал вывод, что он ей симпатичен.

— Bitte schon! Вообще-то я тоже жила в Германии в молодости. В Дортмунде, целый год. Очень мне там нравилось, до сих пор вспоминаю.

— Зачем тогда уехали?

— Сложилось так. Я была замужем за одним военным. Чем-то даже вас напоминал, тоже обаятельный.

— Да что вы! — Вил едва сдержал смешок.

— Да. И тоже блондин с голубыми глазами.

«Я уже готов принять за это премию».

— Брак наш продлился недолго. Я вернулась в Клиффрок, но все равно иногда вспоминаю Германию. А вас назад не тянет? Сколько вы уже здесь?

— Почти восемь лет. Мне и тут хорошо.

— И замечательно. — Она дотронулась до его локтя. — Нам так повезло, что мы вас нашли. Мистер Бирн очень вовремя позвонил, а то уже не знали, что и делать. Учебный год начался, а наша прошлая учительница, миссис Кэпси, совсем расклеилась. Ну, что говорить? Она почти сорок лет здесь преподавала, болела, а тут еще эти новости, проверки...

Вил пропустил в этой школе настоящий переворот. В конце июня бывшую директрису обвинили в растрате бюджетных средств на собственные нужды и посадили на шесть лет. Теперь администрация в новом составе пыталась восстановить репутацию учебного заведения в глазах родителей.

— Так что вы просто нас спасли. Я ведь учила внука мистера Бирна, знаете? Эрик такой хороший мальчишка был! Активный, везде участвовал, всегда с улыбкой. Правда, любил влипнуть в истории. Я благодаря этому всю его семью знаю. Отец у него был очень приятный человек, замечательный мужчина. Трагедия, что он так рано ушел. Правильно говорят — бог лучших забирает. Вы уж меня простите за болтовню, но вы вроде бы тоже им не чужой человек.

— Конечно.

Ученики, показавшиеся за спиной директрисы, наперебой поздоровались, поравнявшись со взрослыми. Все проскочили мимо и лишь одна ученица задержалась чуть дольше, чем следовало. Вил не придавал этому должного значения.

— Девочке их тут пока трудновато. Мистер Бирн за нее очень просил, и мы все делаем, чтобы она освоилась.

— Да, переезд — это всегда тяжело.

В голове сверкнула опоздавшая мысль. Он оглянулся на ученицу, но та уже пропала. Вил готов был поклясться, что видел официантку, которая принесла ему телефон после скандала в пабе.

— А она еще начала все сначала. Программа прошлой

школы не дотягивала до нашей, она могла бы учиться во втором классе, но пришлось потерять год. Раз уж вы знакомы, скажите, если у нее будут какие-нибудь трудности, чтобы мы могли среагировать. Понимаю, вам тут пока и самому нелегко...

— Ничего. Я сообщу, если что-то будет нужно.

— А вы в баскетбольный кружок не хотите вступить? Мальчишек наших подтянете. Спросите мистера Касслера. Познакомились с ним уже? Он тоже такой высокий молодой парень, физкультуру ведет. Ему не хватает напарника, чтобы следить за детьми. С вашим-то ростом, сам бог велел! Приходите! Они вам будут очень рады.

— Я подумаю, — сказал он, думая уже совсем о другом.

Квартира Эрика, 18:07

Дверь открыла кухня Эрика. Вил широко улыбнулся, надеясь придать новой встрече более приятный оттенок, чем предыдущим.

— Эрик дома?

— Да, — сказала она, пропуская его внутрь. — Он в душе.

Вил поставил продукты на пол. Макбет, услышав шуршание бумаги, выскочил из гостиной и приблизился к пакету, заинтересованно принюхиваясь. Вил знал: пушистый террорист не отстанет, пока не выяснит что внутри, поэтому присел, чтобы заранее предупредить битву кошачьих зубов и

упаковки.

— Natürlich, мы тут без тебя не обойдемся! — сказал он коту, возмущенно мяукнувшему в знак протеста.

В воздухе было что-то странное... какое-то напряжение. Вил поднял глаза и сразу напоролся на взгляд девчонки, вошедший ему под кожу острой занозой. По ощущениям она нависала над ним как каменная плита. Не уходила, стояла над душой.

— Классная футболка, — сделал он комплимент, выпрямляясь во все свои шесть с половиной футов, и теперь уже сам мог смотреть на нее сверху вниз. На футболке красовалась зубастая пасть и выглядывающий оттуда кровавый язык в виде щупальца. Шея у девочки была перевязана черной лентой. Вил не понял, украшение это или повязка, зато заметил, что под одеждой не было белья. — Ты типа готка? Или рокерша?

— Мне типа нравится принт.

— А, крутая? Что ж ты мимо в школе проходишь и не здороваешься? Еще и локтями толкаешься.

— Правда? — равнодушно удивилась она, почти сразу сложив на груди руки. — Не помню. Не заметила вас, наверное.

Это еще надо было постараться.

Она неплохо выговаривала слова, но акцент жутко резал уши. За шесть лет жизни в Англии Вил сумел кое-как совладать со своим собственным, а вот ее — просто никуда не годился.

— Не знал, что я такой незаметный. — Он достал из принесенного пакета купленный для нее презент. — Держи.

— Это зачем?

— Не будешь же ты с нами пиво пить.

Вил протянул ей шоколад, а девочка не торопилась брать что-то из его рук. Становилось уже неловко.

— Забыл твое имя, зайка. Напомни дяде, а то память подводит.

— Можешь не утруждаться. — Она взглянула прямо ему в лицо. Ну и зеленющие глаза! — Зайчик.

Щелкнул замок. Эрик вышел из ванной.

— О! Привет. — С волос у него все еще текла вода. — Чего вы в прихожей стоите, как не родные? Ты б его хоть в кухню пригласила, Ви.

«Точно! Вивиан!.. Или что-то вроде того».

Эрик, разговаривая с ним, тем не менее как-то взволнованно подошел ближе и встал рядом с кузиной.

Тихоня демонстративно забрала шоколад.

— Спасибо, — пискнула она. Голос изменился тоже, звучал теперь выше, совсем по-девичьи. — Обязательно съем.

Паб, пятница, 17:52

В толпе гостей Вил видел знакомую официантку уже дважды, но подзывать не торопился, покорно сидел, надеясь, что его заметят. Долго ждать не пришлось. Она подошла, при-

жимая к груди поднос.

— Здравствуйте... герр Фойербах? — Плохо скрытая радость и смущение смешались у нее на лице.

Он прищурился с любопытством.

— Ты же не ходишь на мои уроки.

— Новый учитель — всегда событие. Про вас все говорят.

— Вот как?

— На вас тяжело не обращать внимание, — призналась она, явно специально развешивая любезности. Под пудрой на ее свежих щеках разошелся румянец. Вил расплылся от удовольствия, как кот обмазанный сливками. — Хотите что-то заказать? Я принесу меню.

Многослойная форменная юбка, удачно подчеркивавшая талию, напоминала крылья бабочки. Вил отметил платье, бантик, на который завязывался передник, ножки в колготках и думал, что это не самое лучшее место работы для школьницы.

— Не надо меню. Темное пиво. Если есть кестритцер, неси два.

Она кивнула и упорхнула к барной стойке, откуда оценивающе смотрел бармен. Тот или не тот, что работал здесь в прошлый раз?

Музыка в пабе Вилу не нравилась. От сидения в одном положении затекала поясница, поэтому он откинулся на спинку дивана, изучая гостей. Пусть он клялся оставить Мел в покое, все равно надеялся, что мог бы пересечься с ней тут

случайно. Он свое обещание держал, а вот она напротив — его мысли покидать не собиралась.

— Не было вашего пива, — сказала девушка, запыхавшись. — Извините. Но я принесла самое лучшее из нашего ассортимента. Попробуйте. Я еще схожу, если нужно.

Она поставила перед ним высокий стакан, доверху наполненный ароматным напитком, на поверхности которого дышала пористая пенка. Вил подвинул пиво поближе, но пить не спешил.

— Можешь присесть на минуту? — спросил он. Она с опаской оглянулась на барную стойку, но желание пересилило страх перед начальством. Когда она заняла противоположное место, свет упал на блестящий бейджик, приколотый к блузке. Вил впервые обратил на него внимание: — Агата, — прочитал он вслух. — Не страшно тебе здесь работать?

Она ерзала под его пристальным взглядом. Не привыкла к вниманию, он сразу понял.

— Я всего пару часов после школы помогаю. Обычно тут все спокойно, но за меня здесь есть кому заступиться. Редко когда что-то вроде того случая... как с вами, бывает. И я тогда не в свою смену вышла. — Между ними установился зрительный контакт, полдела было сделано. — Тут раньше мой брат работал, вот и попросил, чтобы меня взяли. Я сначала на кухне помогала, посуду натирала, а потом меня в зал перевели. За барную стойку мне нельзя, да и бармен или администратор все заказы одобряют.

Вил в такие подробности вдаваться не собирался, даже слушать подустал.

— Nicht schlecht! — сказал он, пробуя пиво. — Пить можно.

Агата просияла. Он спрятал ответную улыбку в ладонь, которой подпирал подбородок.

— Я ведь специально пришел, знаешь? — произнес он тише. — К тебе.

Розовые губки приоткрылись. Она хлопала густо накрашенными ресницами, не издав ни звука. Вил нацепил на лицо маску задумчивого страдания.

— Зачем?

— Хотел сказать спасибо за телефон и извиниться, что напугал и наделал столько шума. Обычно я не такой буйный.

Агата настороженно смотрела из-под челки, в попытке выдержать его обезоруживающий натиск.

— Ничего страшного, — сказала она, обкусывая кожу с губ. — Я не испугалась. Вы из-за той девушки так переживаете? Они здесь часто бывают. — По ее лицу бродила тень вопроса: тактично ли было уточнять? — Ну, с тем мужчиной. Думала, он ее муж.

— Ее муж сидит перед тобой.

— Вы были женаты? — Во вздохе скопилось такое неподдельное сочувствие, словно она понимала, каково это. — И она вам изменила?

— Не совсем. Мы собирались пожениться. Я даже кольцо

купил, представляешь?

— И она изменила вам перед свадьбой?!

— Вот так бывает, лапуля. Не всегда любви достаточно без денег. — Агата ловила из его уст каждое слово. Он отклонился от спинки стула, придвинулся к столешнице. Их разделяло критическое расстояние. Его колено будто бы случайно дотронулось до дрожащего девичьего бедра. Агата дернулась, но не отстранилась. — Значит, они часто здесь бывают? И, как по-твоему, он хороший парень?

— Казался нормальным. Он всегда вежлив и всегда оставляет чаевые... Сидит тут всегда допоздна, иногда до закрытия, бывает, работает. А с девушкой стал приходить только в последнее время.

— Надо же! Торчит до закрытия?

— У него вроде бессонница, спать не может, хоть и на таблетках. Ну, он друг владельца, школьные приятели они. Когда хозяин здесь, часто их вместе увидеть можно. Вот вас и выставили тогда из-за него. — Ее пальцы нервно перебирали складки на юбке. — Он вроде сын мэра. Или еще кого-то важного, точно не в курсе.

— Все ясно. Фамилию не знаешь? Чтобы я наверняка разобрался?

— Агата! — крикнули со стороны кухни.

— Ой, извините! — Она подскочила, задев угол стола. — Я могу... спросить его фамилию на кухне.

Вил успел схватить краешек передника, чтобы придер-

жать ее еще на секунду.

— Да, спроси. И спасибо за помощь.

Она, окончательно стушевавшись, забыла, как говорить.

Дом семьи Кэрриган, суббота, 21:01

Пэйдж резко откусила заусенец, раздражавший на протяжении всей дороги к месту вечеринки. Хотя она приехала вместе с Мартином, он продолжал упрямо игнорировать ее от самого дома. Сидя позади него на мотоцикле, она чувствовала, что тело у друга было горячим и напряженным.

Пэйдж сделала все, чтобы лишить Мартина возможности связаться с Джеком, и из-за этой осечки он взбесился еще сильнее. Его рьяное желание решить все мирным путем выглядело просто смешно. Кадманн должен был получить по заслугам сегодня ночью.

Дни рождения детей в семье Агаты праздновались по одному сценарию — пикник, плавно перетекавший в вечеринку. Второй год подряд по просьбе дочери родители отдавали дом в полное распоряжение именинницы с важным условием — Томас оставался за старшего. Агата не сильно вдохновлялась контролем брата, но он был гораздо более удачной кандидатурой, чем отец или мать. Бриджит забирали к бабушке под вздохи облегчения сестры.

Пэйдж сразу направилась в сад, минуя праздничные украшения. Во дворе уже стоял стол с закусками и шампанским

— единственным спиртным, на которое удалось уломать родителей. Точнее, с единственным, о котором им позволили узнать. Бокалы переливались в такт мерцающим гирляндам на ветвях деревьев. Чем ближе подкрадывался закат, тем различимее вспыхивали огни. Наливная клубника с тарелки так и просилась в рот. Пэйдж проглотила ягоду, почти не жуя, и даже не почувствовала вкуса.

Внутри идти не хотелось. Вглядываясь в сумерки, она облокотилась на изгородь, отделявшую жилую территорию от лесной опушки. Холодное дыхание ветра, пахнущее травой, рассыпалось по коже мурашками.

Будучи детьми, они часто убегали в лес играть в прятки, за что не раз получали от взрослых. Тогда их волнения казались им глупостью. Ну что могло с ними случиться?

Теперь воспоминания выглядели как страницы из старой книжки, которую Пэйдж читала когда-то, но плохо удержала в памяти сюжет. Даже прошлый год казался ей другой, почти чужой жизнью. Она помнила, как они отмечали здесь двенадцатый день рождения Бриджит, ели мороженое под облаками шумящих листьев, менявших цвета в зависимости от света фонариков. Отец семейства натянул экран прямо в саду, где они смотрели фильмы до рассвета. Карен тогда загорелась идеей раздобыть проектор для их укромного уголка, и Кев обещал исполнить ее желание.

Хруст мелкого гравия выдал чужое присутствие. Пэйдж обернулась. Жук шел так, словно крался.

— Привет, — с долей удивления поздоровалась она. Детей на вечеринку не звали. — Ты что тут? С Мэттом?

— Да, — быстро затараторил мальчик. — Ты должна уйти. Уходи сейчас, пока он... Просто уходи!

Пэйдж дотронулась до его головы, чтобы пригладить волосы. Кев дернулся в сторону.

— Пэйдж! Слышишь или нет?!

— Слышу. Не волнуйся, у меня все под контролем. Не будь Мартином, дай самой разобраться.

— Ты не поняла?! Уходи немедленно! Иди домой!

Что?! Он еще будет ей приказывать?!

— Отстань, а?! — получилось грубее, чем она ожидала. Пэйдж отстранилась, чтобы избежать разговора, попыталась смягчиться, но голос по-прежнему звенел металлом и раздражением. — Я не Карен. Обойдусь без твоей заботы и без твоих указок.

Неужели они все еще не поняли, что в этой войне она должна была победить? Если она не сделает что-то из ряда вон выходящее, Алек не отцепится. Он как клещ, прилепился и будет высасывать кровь, пока его не вырвешь из-под кожи силой. В груди зудело напряжение. Пэйдж в нетерпении ждала, когда же друзья растерзают Кадманну лицо, отобьют легкие и почки.

Дверь черного хода не запиралась. Пэйдж вошла в дом, уже на пороге слыша обрывки чужих разговоров. В кухне столпились знакомые Агаты из второго класса, окружившие

Мэтта и Алека. Пэйдж мышью прокралась вдоль стены, в надежде, что ее не заметят.

Нужно было найти Мартина как можно скорее. Он ставил мотоцикл в гараж и обещал прийти в сад сразу после, но прошло уже больше пятнадцати минут. Где же его носило? Пэйдж шла по комнатам, выдавливая из себя измученную улыбку на каждое приветствие и вслушиваясь в замаскированные смешки у нее за спиной, и в конце концов, зазевалась. Они столкнулись с Томом почти лоб в лоб. Он выронил вилки, и те со звяканьем рассыпались по полу.

— Прости! — охнула Пэйдж и присела, чтобы помочь собрать приборы.

— Пофиг, это я отвлекся. Все в порядке?

— Видел Мартина?

— Он с Агатой на крыльце.

Как будто только теперь вспомнив о существовании подруги, Пэйдж поняла, что даже не поздравила ее с днем рождения.

Том, замечая, что она отсутствовала, хоть и стояла рядом, начал пристальнее к ней присматриваться, поэтому Пэйдж поспешила удалиться, пока не вызвала очередных вопросов. Дом, в котором был известен каждый угол, вдруг стал путать ее, перекручивая коридорные тропы. Уже в прихожей она устало оперлась о тумбу, словно секунду назад закончила бежать марафон.

Тихий шажок. В оконце, высеченном в двери, виднелись

две фигуры. Слюна стала горькой. Несколько секунд хватило, чтобы оценить, в какое шикарное платье нарядилась Агата, как удачно уложила волосы и как хорошо смотрелась рядом с широкоплечим Мартином.

Пэйдж крутанула ручку. Взрывная волна снесла все, о чем она думала прежде. Мартин обернулся, а карие глаза Агаты моментально потухли. Да, пусть Пэйдж не нарядилась и не накрутила кудри, зато могла составить ей конкуренцию даже вот так, в джинсах и футболке.

— Я тебя потеряла, — сказала она другу, тут же занимая настолько близкую позицию к нему, какую Агата не могла себе позволить. — Какая ты красотка! С днем рождения!

Она потянулась для объятий, но понимала, что им обоим они не доставят удовольствия. Агата хорошо держалась — почти смогла скрыть расстройство, которое Пэйдж, конечно, увидела.

— Алек ничего не спрашивал? — шепнула она ей на ухо.

— Нет, — отмахнулась Агата, отстранившись поспешно. — Пойду, скажу, чтобы перебирались в сад, пора жарить барбекю.

— Сейчас приду помочь, — сказал Мартин и стал ждать, когда Агата скроется внутри дома. — Что с тобой происходит?

— Что?

— У нее все-таки день рождения, имей уважение... Совесть, в конце концов!

Пэйдж поставила руки в боки, внимательно слушая очередное нравоучение.

— Боже, ну и что?

— Я тебя не узнаю, вот что! — гаркнул он. На переносице заломилась складка. — Придумала план мести, заставила Агату участвовать на ее же празднике! И я обо всем этом узнал от Тома!

— Тише ты! Все запоришь!

Мартин брезгливо фыркнул. Впервые в жизни она прочитала в его взгляде презрение, но не могла никак за себя заступиться.

— Ты же знаешь, что он это заслужил, почему ты не можешь меня поддержать?

— Потому что я предупреждал насчет него, а ты не послушала. — Он весь позеленел, но главные слова, которые дались ему с усилием, все-таки выдавил: — Потому что если бы не твои фото... если бы ты хоть немного задумывалась о последствиях... мне за тебя стыдно! А тебе как будто по барабану!

Пэйдж уже давно ждала его укора как пощечины. Она перебила, боясь услышать что-то еще, чего переварить уже не смогла бы. Пусть она знала его мысли наперед, подтверждать их было сродни пытки.

— Мне жаль, ясно? Но я уже ничего не могу сделать. Будь у меня возможность отмотать время назад, я бы никогда... Вот как думаешь, мне от твоего порицания легче станет?

Мартин, да все в школе только этим и занимаются! Как будто взорвалась бомба! Все так быстро забыли о Карен, а вот мои фотки забыть не могут. Ты нужен на моей стороне, как ты не понимаешь?

— Я вообще не хочу занимать чью-то сторону!

Он ушел в дом, а Пэйдж осталась. По потертым доскам к ее кроссовкам приближался крошечный паук. Желание раздавить его подошвой казалось правильным, но она позволила ему проползти мимо.

Верно это было или нет? У нее больше не получалось решать, что было хорошо, а что плохо.

То же место, 23:32

От громкой музыки болели уши. Большая часть гостей уже накидалась до соплей, а выпивка еще не кончилась. Знакомый парень влез на стол с закусками и его стащили оттуда против воли вместе с тарелками. На газоне валялись куски мяса, раздавленные фрукты, битые бокалы. Подружка Агаты не то случайно, не то специально встала ногами в костер, и Алек ржал, прыскавая на нее пивом из банки. Он был уже пьяный, а вот Мэтт, как и сам Мартин, не пил совсем.

Сбежав к грилю, Мартин одновременно пытался держаться на расстоянии и не упускать Пэйдж из виду. Ближе не подходил. Она тоже. Раздраженно крутя сосиски, он видел, что она везде носилась со своим стаканом, то и дело поглядывая

на часы, и дважды безуспешно пыталась позвонить кому-то. Почти ни с кем не общаясь, она осталась, как и он, за пределами вечеринки, только для него это было в порядке вещей, а для нее — нонсенс. Ей здесь было некомфортно и плохо, Мартин это видел, наверное, она уже и сама пожалела, что пришла.

— Ты бы хоть поел. — Именинница выросла рядом на удивление бесшумно. Или это он был слишком занят слежкой.

Агата замаялась. Глаза у нее уже плохо фокусировались на отдельных предметах, а платье было грязным — на кремовой юбке пятна попадали в складки. Мартин предчувствовал катастрофу. Не просто так она пришла, ох, не просто так!

Он стал последним на всем белом свете, узнавшим про ее чувства, но предпочел бы и дальше оставаться в неведении.

— Ты весь вечер грустный. Тебе тут не нравится?

— Не люблю я вечеринки, — сказал он, намеренно не оставляя повода для дальнейшего разговора. Агата опустила голову.

— Я хотела... сказать кое-что. Я дала себе слово, что скажу сегодня.

Мартин чуть не взвыл, до боли сжав в кулаке рукоятку лопатки. Если бы земля вдруг разверзлась и погребла бы его, он принял бы это с благодарностью.

— Не унижайся. Ты знаешь, мне ответить нечего.

Агата сгорбилась еще сильнее, как будто сама хотела ис-

чезнуть, а Мартин не мог найти для нее жалости, как бы ни искал. Он поднял крышку гриля, изображая кипучую деятельность, взял со столика тарелку, чтобы положить сосиски, не обращая на дрожащую Агату внимания. Хотелось проморгаться от дыма, а еще хотелось, чтобы она поскорее избавила его от своих излишних эмоций.

— Не надо так расстраиваться из-за меня. Я этого не заслужил.

Мартин надеялся оправдаться, но не смог придумать как, поэтому дальше решил молчать. Взглянув на Агату из-под бровей, он тут же мысленно зачеркнул слово «идиот» у себя на лбу и написал там «чудовище». Вечер был испорчен окончательно.

Агата протянула руку и до упора приложилась к раскаленной ребристой поверхности машины для барбекю. Мартин инстинктивно схватил подругу за запястье, чтобы уберечь от ожога, но слишком поздно.

— Что делаешь?! Чокнулась?!

Она вырвалась. Пошла прочь, ничего не сказав, а он остался стоять растерянный и разбитый и случайно увидел, что место Пэйдж пустовало. Куда ее понесло?! Они решили его до белого каления довести?!

Он быстрым шагом двинулся за ограду, лишь теперь в полной мере ощутив, с каким трудом давались движения. Его знобило. Будучи все время при деле у огня, забыть про слабость получалось легко.

Когда он вышел за пределы сада, Пэйдж уже подходила к лесной чаще. Глухой зов леса поглотил музыку. Мартин боялся, что упустит Пэйдж из виду. Почти бегом бросившись к деревьям, он сразу попал в капкан из ветвей. Тьма дышала ему в затылок. Он ощупал карманы джинсов и понял, что забыл телефон на столике у дома. Пришлось идти наугад, загребая опавшие листья влажными от капель кроссовками.

Пэйдж не ушла далеко. Он почувствовал, что она рядом еще до того, как увидел ее. Она плакала, сидя на коленях у поваленного ствола. Мартин замер. Не мог признаться себе, что тоже стал причиной этих слез. Его ненависть к ней была забыта там, на крыльце. В ту минуту она длилась вечность, а теперь растворилась, оставив после только горечь. Он простил. И сделал бы это снова, вытвори она что-нибудь похуже. Он бы простил ей даже нож, воткнутый в сердце. Ах да! Нож уже давно торчал у него в груди. Еще с младших классов. Она воткнула его шутя, а вытащить не смогла. Мартин тоже не смог, а потом привык и больше не хотел с ним расставаться.

Он выступил вперед. Пэйдж оглянулась в испуге и быстро отерла щеки.

— Уйди! — рывкнула она. — Тебя тут еще не хватало! Иди отсюда!

Не слушая ее, Мартин опустился на старую деревяшку, а Пэйдж отвернулась от него снова и стала смотреть куда-то в глубину леса. Мох на коре был склизким. Рыжие кудри

во мраке совсем не блестели, казались каштановыми. Он наизусть помнил их запах. Даже сейчас, когда и дышать почти не получалось, он знал, как она пахла, — сочным зеленым яблоком, треснувшим от спелости. Не решившись прижать ее к себе, он сидел, думая, что Пэйдж объятия будут неприятны, ведь он весь провонял дымом и копотью сосисок.

— Что-то мне невесело, — сказала она.

— Знаю. Все ждал, когда ты перестанешь разыгрывать концерт имени нормальности.

Пэйдж ухмыльнулась в воздух. Ее пальцы, царапая землю, загребали под ногти грязь.

— А я думала, ты мне веришь хоть немножко.

Привыкнув к отсутствию света, Мартин различил острый профиль Пэйдж и увидел слезы, горошинами повисшие у нее на ресницах.

— Все было бы проще, если бы это случилось со мной, а не с Карен.

— Не говори так.

— Было бы правильной. Справедливой. Это было бы мне понятно... а сейчас я не понимаю... Я не понимаю. Я чувствую, что ее нет.

Мартин сполз на землю и, больше не размышляя, приятно ей будет или нет, сжал Пэйдж в объятиях, чтобы она перестала дрожать.

— Пока неизвестно точно.

— Ты меня не слышишь. Ее нет. Я знаю. Знала с самого

начала, сразу. — Она прильнула к нему, вцепившись в предплечья до тупой боли. Он не двигался и не дышал, но сердце заходило так, будто он галопом скакал на лошади. — Мне просто хочется, чтобы все снова стало хорошо. Пожалуйста, скажи, что мне сделать. Я послушаюсь в этот раз, обещаю.

У Мартина не нашлось для нее правильного ответа.

— Уйдем отсюда, — сказал он.

Это все, что пришло на ум. Все, о чем он думал весь вечер. Они не должны были быть здесь.

— Куда, например? Иногда думаю — уйду из дома, все, хватит, хотя бы не буду слушать мамины рыдания. Я бы сбежала, если бы это помогло, но это мне не поможет. — Пэйдж задрала голову и легко, почти неощутимо коснулась ледяным кончиком носа подбородка Мартина. — С тобой. С тобой, только с тобой. Я, идиотка, думала, ты предпримешь что-то, когда увидишь меня с другими. С Алеком. А ты ничего не сделал. Почему?

«Кое-что сделал».

— Потому что ты дуручка, и я в твои игры не играю.

— Почему ты никогда не говорил, что я тебе нравлюсь? Ну, почему? Теперь это кажется таким не важным, как из другой жизни, даже спрашивать стыдно.

— Тебе? — усмехнулся он, сам ощущая, что полностью одеревенел от ее вопросов. — Стыдно?

Пэйдж оторвалась от его футболки и вдруг оказалась напротив. Ее влажные мягкие губы коснулись его едва ощути-

мо, оставляя после себя привкус соли и ускользящую теплоту. Уши горели. Мартин полыхал не то от температуры, не то от того, как сильно грудную клетку разрывало на части.

— Идем отсюда, — снова попросил он, уже не соображая. — Можешь пожить у меня, родители не будут против. Только напиши Джеку, чтобы не совался сюда. Пошел нахрен этот Кадманн! Его жизнь и без нас накажет. Да уже наказала! Не делай себе еще хуже.

— Я позвоню, — покорилась она. — Я уже звонила, он трубку не брал.

Она достала смартфон и утерлась рукавом кофты. Яркий свет экрана подсветил ее заплаканное красное лицо и вьелся в зрачки.

Неужели этот ужасный вечер закончится спокойно?

— Вы где? Далеко вы? — Мартин встал, повинувшись какому-то предчувствию. — Нет, я не говорила. Ничего не отменилось. Кто сказал? Конечно, он тут! Да нет, ладно, не надо уже, мы сейчас уйдем. — Пэйдж машинально потянула его за собой. — Пока. Увидимся.

Ветка сломалась, затем еще одна. Треск усиливался. Мартин весь обратился в слух. Кто-то шел к ним со стороны дома. Жестом приказав Пэйдж молчать, он повел ее дальше в чащу, собираясь сделать крюк, чтобы разминуться с преследователем. Он не знал точно, был ли это Алек, но проверять не собирался. Чужие шаги становились смелее. Резче. Если бы их искали с благими намерениями, то окликнули бы. Че-

ловек побежал, и они побежали тоже.

Замерзшая рука Пэйдж крепко сжимала его пальцы. Мартин готов был поклясться — Алек шел за ними по пятам. Они пробирались через заросли, толком не зная, правильный ли маршрут. Оба оставались немыми. Оба пытались стать бесшумными.

— Это Агата сказала, — прорычала Пэйдж еле слышно, через силу втягивая кислород в легкие, — чтобы они не приходили. Иуда!

Она споткнулась о корни дерева, но Мартин вовремя ее подхватил. Ночной воздух обнимал их за плечи, заставляя прижиматься друг к другу ближе. Страх притаился, свернулся в живой комок и дрожал между ребер.

Травяной настил проглатывал шум шагов. Было слышно, как Пэйдж задерживала дыхание. Приходилось замедляться, чтобы дать ей возможность подышать. Мартин прислушался к деревьям. Ветер баюкал на высоте птичьего гнезда, укрыв их среди крон.

Пэйдж дернула его за локоть и вздрогнула всем телом, когда кусты перед ними расступились, выпуская наружу темную фигуру. Мартин машинально оттеснил Пэйдж за спину.

— Бу! — На телефоне незнакомца зажегся фонарик. — Ну и рожи у вас!

Алек засмеялся, обнажая клыки.

Мартин тут же понял, что их специально загоняли сюда, к Кадманну. Они думали, что бежали от опасности, а на самом

деле шли напрямиком к ней в лапы. Кончится дракой, нечего и гадать. Справиться с пьяным будет несложно, а вот схватиться с Драммондом — то еще удовольствие. Он был на полголовы выше, сильнее и с детства занимался хоккеем. Еще и не пил, берег себя. Его удар в прошлом году сломал на катке челюсть одному из игроков. Мартина передернуло.

— А че вы так приуныли? Не рады меня видеть? — Кадманн сделал попытку приблизиться, но они отступили назад почти синхронно. — Что такое? Разве не ты меня позвала? Ты же хотела, чтобы я пришел! А? Что, язык проглотила?!

— Чего тебе надо? — спросила Пэйдж.

— Да так! Мне тут мышка на хвосте принесла интересную новость. Думала натравить на меня этого дровичу Хаксли? Ну? Получилось? Трусливая сука, как всегда, свалила грязную работу на других! Че ты там спряталась за своего щенка подзаборного? Ссыкуха! Выйди вперед!

Пэйдж отстранилась, Мартин не успел ее задержать. Теперь она загораживала его собой.

— Мартин здесь ни при чем. Хочешь разобраться — давай! Разберемся вдвоем.

Алек усмехнулся, а у Мартина скрутило кишки. Кадманн не сунулся бы на него с голыми руками, даже если б Мэтт страховал его в кустах. И он страховал, никаких «если». Пришлось незаметно осмотреться, разыскивая засаду, но с виду их окружали только стволы деревьев.

— Хуйня! — Алек раздраженным движением отвел одну

руку за спину, а второй подозвал Пэйдж. — Иди-ка сюда!

В слепящем свете его худой силуэт отбрасывал на еловые ветки длинные тени, повторяющие друг друга. Мартин сжал плечо Пэйдж, не позволяя ей двигаться.

— Я сказал, иди сюда! — заорал Алек с пеной у рта. — Быстро!

Пэйдж боковым зрением глянула на Мартина, но даже не подумала пошевелиться. Алек убрал телефон в задний карман джинсов и стал искать что-то другое. Они снова нырнули во тьму. После яркого света зрение фокусировалось с трудом. Пэйдж опомнилась первая. Вжавшись в грудь Мартину, она произвольно попятилась, пока он прищуривался, разглядывая, что Алек на них навел. Лучше бы глаза его обманули. Алек держал в руке пистолет.

— Ну!

— Где ты это взял? — спросила Пэйдж сбивчивым шепотом.

— Не твое дело! Быстро, тупая ты овца! Или хочешь, выпущу в твоего героя пулю? — Она тут же попробовала вылезти из хватки, но ее держали крепко. Алек в исступлении сжал волосы на макушке. — Отвали, а то пальну в нее, понял? Мне терять нечего! Я вас обоих тут захуюрю!

— Тебя посадят, Алек. — Пэйдж безрезультатно зывала к его разуму. — Опusti его! Не делай фигни!

— Он опять под чем-то. Вот и машет тут...

Алек не дал ему закончить. Он вдруг рванулся вперед,

схватил Пэйдж за кофту прежде, чем Мартин успел откинуть его руку в сторону, и навел дуло ему в лицо. Щелчок предохранителя хлестнул по вискам.

— Завали ебало! Я стрельну, если ты не отвалишь! Пусти ее!

— Алек, хватит! — Ее пальцы сжали его предплечье. — Что ты хочешь?! Дай ему уйти, и я сделаю, что хочешь! Он ни в чем не виноват. Пусть уйдет... Мартин, не двигайся! Не говори ему ничего!

Говорить? От вида пистолета вблизи у Мартина отнялся язык. Алек совсем с катушек слетел! Вдруг реально выстрелит? Не в него, в Пэйдж...

— Идея была моя, — снова обратилась она к Алеку. — Все же знали, все! Давно уже знали! Она меня к себе позвала про Карен поговорить. Я думала, помощь предложит, а она спросила хожу ли я к школьному психологу. Потом вышла — я увидела на столе документы. Прочитала случайно. Заказ на какие-то компьютеры, которых в школе не было. Очень дорогие. Я все сфоткала. Когда вы отказались заплатить, я не могла просить свою маму, но могла попросить маму Мартина, чтобы она вызвала аудит. Это нужно было сделать давно. Удивительно, что никто не сделал. Мартин ни при чем! Отпусти его. Умоляю, отпусти. Я сделаю, что хочешь. Что хочешь сделаю, только отпусти. — Смотреть, как она унижалась ради него, было невыносимо, а Пэйдж все твердила одно и то же: — Отпусти, прошу тебя. Все, что хочешь. Я

сделаю все, что захочешь.

Кадманн рывком схватил ее за волосы и заставил упасть перед ним на колени. Она вскрикнула, тут же задавив в горле этот крик. Мартин бросился вперед, замахнулся кулаком. Зубы Алека до мяса сорвали с костяшек кожу. Он взвыл, харкнул кровью. Мартин хотел добавить, но кто-то навалился на него сзади и стал оттаскивать, взяв шею в захват. Кислород вставал в горле. Руки Пэйдж вцепились ему в джинсы. Мартин упирался, а она держала его из последних сил.

— Пусти его! Мэтт! Отвали от него, ты, сволочь!

Мэтт был сильнее. И он не давал дышать.

Алек ударил Пэйдж коленом в голову. Та обмякла и сгорбилась, припадая к его кроссовкам. Он наступал ей на волосы, рвал и топтал пряди, а она вытягивала их из-под подошвы. Дождавшись минуты, он поставил ногу на тонкие девичьи пальцы и перевалил на них весь свой вес. Мартин слышал, как хрустнули суставы, но как Пэйдж кричала уже не разобрал. Он рванулся, выгрызая себе пространство, и пихнул Алека в грудь так, что тот отлетел и выронил пистолет. Пэйдж откатилась в сторону.

— Пэйдж, беги! — Что же она стояла?! — Беги!

Она бросилась в заросли. Алек попытался отползти к кустам — не вышло. Мартин прижал его к земле и держал. Мэтт безуспешно попробовал отодрать их друг от друга. Потом пропал... отошел куда-то. Мартин не видел, куда.

— Ну че, друг? — заржал Алек. — Все равно не дала?

Хоть я ее и бросил, как ты просил!

Бах! Мартин не понял, что случилось первым — он услышал хлопок или ощутил резкую боль в затылке. С волос посыпалась крупная стеклянная крошка, которую он тут же попытался стряхнуть.

Пальцы, ощутившие место удара, стали влажными. Он тяжело моргал, смотря на ладонь, ставшую черной от крови. Еще не осознав, что произошло, он сделал очередную попытку удержать Алека на месте, сжал его горло. Картинка помутилась. Он как будто проваливался в колодезь.

— Отдохни, Гилмор! — сказал Мэтт откуда-то сзади. Эта мразь разбила бутылку ему о голову.

Мартин перестал различать, где были враги. Кадманн все еще лежал рядом, но они больше не могли бороться.

— Спасибо, блядь! Пораньше нельзя было? — Он присвистнул: — Хуя ты ему ебнул! Это че, из-под шампанского? Он хоть не откинется?

— Посмотрим.

Алек вылез из-под него, легко высвободившись. Мартин тоже хотел встать, но ноги отказались выполнять приказы. Оставалось только лежать. Корчиться, пытаясь собрать себя в кучу.

Мэтт возвышался над ним как титан. Казалось, он продолжал расти, с каждой секундой становясь все выше и выше. Огонек сигареты отражался в его зрачках красным.

— Извиняй, братан. — Алек наклонился, кривя разбитые

губы в улыбке. — Ты знаешь, к тебе — ничего личного. — Он обратился к Драммонду: — Видел, куда побежала?

Кровь заливала глаза. Мэтт пнул Мартина со спины, прерывая тяжкие старания подняться.

— Видел.

Алек загоготал, заливаясь до одури.

Мартин еще был в сознании.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.